

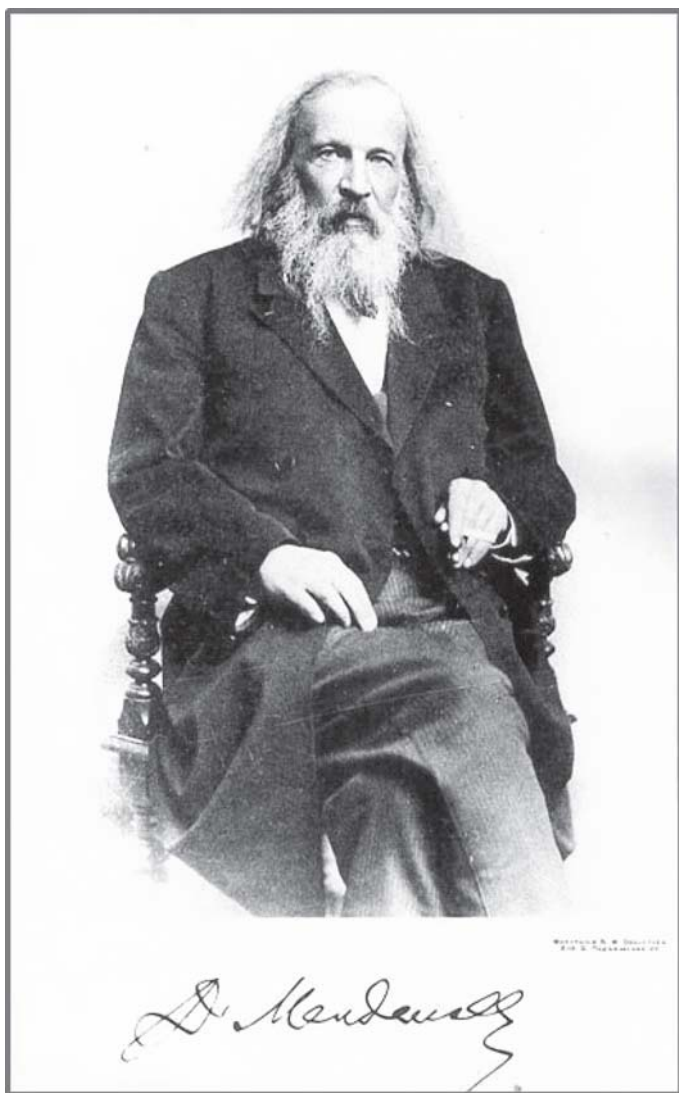

Статьи, опубликованные в 2009 году

СОБЫТИЕ, СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ, АРХИВ, ПОРТРЕТЫ, ХИМИКИ —
НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ

Бабаев Е.В. Менделеевия №2, 52;
№4, 50; №6, 51; №8, 48; №10, 50;
№12, 38

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ 2	ХИМИЯ И ЖИЗНЬ 4	ХИМИЯ И ЖИЗНЬ 6
ХИМИЯ И ЖИЗНЬ 8	ХИМИЯ И ЖИЗНЬ 10	ХИМИЯ И ЖИЗНЬ 12

Менделѣевія

Доктор химических наук
Е. В. Бабаев,
МГУ им. М.В.Ломоносова

В этом году мы отмечаем 175-летие со дня рождения одного из величайших химиков мира – Дмитрия Ивановича Менделеева (1834–1907). Дата не выглядит очень круглой – век и три четверти, без четверти два на циферблате веков. Тем не менее именно в четвертях веков, этих странных дробях, мы испокон привыкли измерять годовщины или юбилеи. Поэтому семь четвертей менделеевского века – неплохой повод лишний раз вспомнить о его жизни и творчестве.

У многих перед глазами стоит Менделеев недавнего телепроекта «Имя России». Можно удивляться, а можно принять как должное, насколько глубоко хранит народная память имя этого ученого, сколько очков вперед дал он иным князьям-царям-вождям. В этой памяти его образ архетипичен: могучий корифей отечественной науки, признанный еще при жизни, при царе, не отторгнутый, как иные, а воспетый советской эпохой. В последнее десятилетие этот имидж окончательно оброс народными легендами (вспом-

ним хотя бы *сон-пасьянс-водка-порох-чемоданы*), настолько устоявшимися, что даже критиковать их оказывается малопродуктивным занятием. К десяткам биографий Менделеева и сотням статей, посвященных его главному открытию – Периодическому закону, – добавляются все новые труды исследователей, переоткрывающих его как оригинального экономиста, философа, географа, социолога...

С развитием Интернета появились целые моря информации о великом химике; в этих морях есть глубинные исследования его жизни и творчества, а есть всяческая пена и муть, их неизбежные попутчики. Чтобы отделить зерна от плевел, сервер химфака МГУ долгие годы поддерживает интернет-проект Mendeleev Online, англоязычный ресурс о Менделееве. Эта веб-страница, созданная десять лет назад и с тех пор поддерживаемая автором статьи, сыграла важную роль в формировании адекватного образа русского ученого у англоязычной аудитории. Студентам Оксфорда и Кембриджа тоже нужно писать рефераты, вот и обращаются они, по совету преподавателей, к скромной страничке на русском сервере... Десятилетний итог – неизменное лидерство сайта в рейтингах большинства поисковых систем. Если раньше о Менделееве в зарубежном Интернете почти не писали, то спустя десятилетие его воспринимают уже не иначе как «the Father of the Periodic System» даже в студенческих блогах.

Если перейти от «невидимого фронта» к рунету, то оказывается, что океан российских интернет-ресурсов о Менделееве и вовсе безбрежен. В коллекции автора скопилось около тысячи подобных ссылок. Используя этот архив, мы попробуем в предлагаемых материалах освежить в памяти читателей биографию Менделеева. Попытаемся в юбилейном году установить новые взаимосвязи между известными (и не очень известными) фактами о его происхождении, жизни и творчестве.

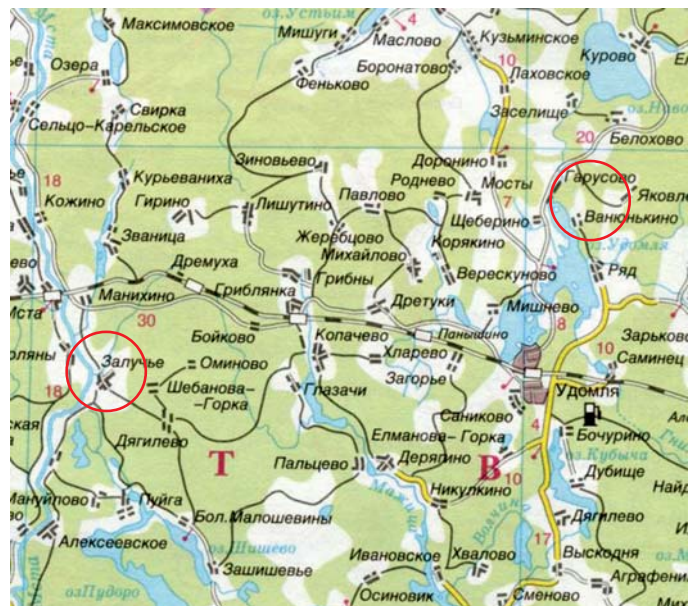
Сакральная география

Общеизвестно, что Менделеев – истинный сибиряк, уроженец и почетный гражданин города Тобольска, сын коренной сибирячки Марии Дмитриевны Корнильевой. О тобольских корнях поговорим позднее, сначала разберемся с предками Менделеева по отцовской линии, его так называемыми удомельскими корнями. Географическая точка появления на свет предков этого рода наиболее близка к современному райцентру Удомля (бывш. село Троица, до 1904 г. – станция Троицкая) Тверской области. Эта точка – весьма символическая граница в нескольких смыслах. Во-первых, это примерно середина пути между двумя столицами, Москвой и Петербургом (в более ранние эпохи – между Тверью и Великим Новгородом). Во-вторых, это граница водосбора Волги и Невы, а если глянуть еще шире – глобальный водораздел между Каспием и Балтикой. Это не совсем Валдай (который на 100 км западнее), а заболоченный озерный край, мечта рыбакова, ограниченный на западе рекой Мстой.

В конце XVIII века указанный регион относился к Вышневолоцкому уезду Тверской губернии. Само название Вышний Волочек (изначально – Волочок, а также имена реки Волчина, озёр Волошно и Наволок) – от слова «волок», что вполне понятно: должен же варяг на пути к греку кое-где волочить свою ладью. (Впрочем, сами удомельцы считают, что здесь пролегал еще более экзотический маршрут – «из варяг в арабы», при раскопках тут найдено много кладов с арабскими монетами.) Для истории края более важна обратная трасса: движение славян вспять – на финно-угорские земли. Именно так, согласно древним летописям, шла

Села Гарусово и Млѣво на картах XIX века (слева) и XXI века

в середине X века киевская княгиня Ольга: «в лето 6455 иде Новгороду с сыном своимъ и с дружиною и устави по Мъсте погосты и дани». (Считают, что один из первых таких погостов появился на Мсте в селе Млѣво.)

Долгое время эти земли были Новгородскими (входили в Бежецкую пятину Великого Новгорода), пока в конце XV века царь Иван III не привел из Москвы рати на беспощадный разгром и уничтожение независимости Новгорода, причем местность вдоль Мсты подверглась особо жестокому разорению. По легенде, последняя новгородская боярыня, опальная Марфа-посадница (Борецкая), была закована, сослана в Москву и скончалась по дороге в селе Млѣво. Позднее жизнь в этих краях то просыпалась, особенно когда строился Санкт-Петербург и по Мсте шли тысячи барж с грузами, то вновь замирала, например, после постройки Николаевской железной дороги, когда нужда в водных путях ослабела.

Именно об этих местах писал Чехов: «Холодно. Местность болотистая. Пахнет половцами и печенегами... Дороги кислые, сено паршивое, дети имеют болезненный вид». Антона Павловича можно понять: он ненадолго прибыл в эти края как профессиональный медик лечить от ран (и несчастной любви) вконец запутавшегося Левитана, вот, видимо, и навеяло. Терапия оказалась успешной, застрелив чайку, Левитан выздоровел, а Чехов получил два превосходных сюжета для «Чайки» и «Дома с мезонином». Химикам стоит перечитать – все это о родовых местах менделеевских предков.

Более романтично описывал те же окрестности в своих письмах Грабарю художник-пейзажист Бялыницкий-Бируля: «Кому-нибудь, если болит душа или гложет сердце, пусть едет ко мне сюда, где синеют дали лесов заозерья, где ... у

Родовые места предков Д.И. Менделеева на картинах «Голубая часовня» Бялыницкого-Бирули и «Над вечным покоем» Левитана

Покрова старый надтреснутый колокол кого-то зовет, о ком-то плачет...» Это написано о колоколе того самого храма (Покрова Пресвятой Богородицы) на погосте Покровский-Тихомандрицкий, где в 60–80-х годах XVIII века служил настоятелем Павел Максимович Соколов, дед Менделеева. Речка Тихомандрица, по имени которой и назван храм, соединяет пару наиболее крупных местных озер – Удомлю и Наволок. Недалеко от погоста расположены деревенька Касково, а также сельцо Гарусово, имение Аракчеевых.

На первый взгляд, эта рядовая российская глубинка не способна навеять значимых ассоциаций. Между тем эти места прекрасны знакомы каждому, кто хоть раз побывал в крупной картинной галерее. Дело в том, что окрестности родового гнезда менделеевских предков запечатлены рекордное количество раз на знаменитых картинах художников XIX–XX веков. Причин три: во-первых, здесь издавна располагалась дача Академии художеств, куда наезжали за вдохновением Репин, Куинджи, Рылов, Коровин, Нестеров, Рерих. Во-вторых, уже упомянутый хлебосольный художник Бялыницкий-Бируля построил в этих местах другую знаменитую дачу (Чайку), ставшую мехкой для десятков столетних художников раннесоветской эпохи. В-третьих, многие известные художники жили или подолгу гостили в местных усадьбах. Химикам следует, по-видимому, более трепетно отнестись к полотну «Над вечным покоем» Левитана: после трудных поисков было, наконец, однозначно установлено, что именно на озере Удомля он написал эту знаменитую церквушку. Венецианов, живший в имении неподалеку, именно здесь писал своих счастливо пашущих и жнущих крестьянок. Его знаменитый ученик, крепостной Сорока, был холопом соседского помещика Милюкова и оставил нам точные копии многих местных усадеб. Не забудем Рериха («Дом в Березке») и самого Бялыницкого-Бирулю (полотна «Сумерки. Удомля» и «Голубая часовня»). Если Антон Чехов почуял тут «половцев и печенегов», то Николай Рерих здесь разрабатывал иную живописную сюиту – «Славяне и варяги». Сравнение знаменитых сюжетов рериховских картин «Нежданые гости» или «Гонец» с местностью академической дачи напрашивается само собой.

Генеалогический ребус

Вернемся, однако, к семье священника Павла. Храм, в котором он служил, до наших дней не сохранился. (Тем не менее стараниями удомельской учительницы Т.Рази-

ной у котлована на месте погоста появилась мемориальная доска.) Имена предков Соколова долго оставались неизвестны, и лишь недавно, благодаря изысканиям профессора И. Судницына, одного из отдаленных потомков Менделеева, выяснилось, что деда Павла Максимовича звали Евдоким Емельянович (р. 1725 г.), а прадеда – Емельян Петрович (р. 1676 г.). Подробностей о жизни самого Павла Соколова немного. Журналист А. Нутрихин в своей художественной повести о детстве Менделеева и его предках рисует (скорее, дорисовывает) ее примерно в таких красках: «Жизнь его мало чем отличалась от крестьянской. Доход имел скромный и, чтобы прокормить семью, держал скотину и развел пчел. Лечил больных односельчан, умел мирить, если те ссорились».

Любопытная, хотя и скудная информация просачивается из автобиографии графа Алексея Аракчеева (1769–1834) и воспоминаний его современников. Напомним, что обедневшие дворяне Аракчеевы были прихожанами Покровской церкви, которая была всего в двух километрах от их имения в Гарусове. Мать Алексея (в будущем того самого «серого кардинала») была необычайно набожна, не пропускала ни одной обедни или вечерни. В этой связи весьма любопытно, что Аракчеев в поздние годы говорил Карамзину: «Учителем моим был дьячок: мудрено ли, что я мало знаю. Мое дело – исполнять волю государеву». Он любил повторять, что грамоте обучался «не по рисованным картам, а по букварю и псалтырю», особо подчеркивая, что «был учен в прямом смысле слова на медные деньги», поскольку родителям «все его воспитание обошлось в 50 руб. ассигнациями, выплаченных медными пятаками» дьячку сельской церкви. (По другим источникам с дьячком расплачивались натурой – годовой платой в виде «трех четвертей ржи и овса».) Как заметил недавно удомельский краевед Д. Подушков, священнослужителей или диаконов, помимо Павла Максимовича и членов его семейства, в окрестностях прихода не просматривается. Добавим к этому, что А. Макареня обнаружил в старинном журнале «Природа и люди» за 1892 г. заметку некоего И. К. Т., в которой прямо говорится, что дед Менделеева обучал Аракчеева русской грамматике и арифметике. Священник стал посвящать мальчика «в тайны чтения, письма и четырех правил арифметики», причем за короткое время ученик овладел навыками сложения, вычитания, умножения и деления в такой степени, что превзошел своего учителя. Однако умение красиво писать не давалось Алексею, у дьячка почерк был неважный. В итоге отец сам взялся учить сына каллиграфии, заставив «переписывать служебные бумаги, написанные красивым почерком». Заключительный эпизод прощания Алексея с отчим домом (отъезд в Петербургский кадетский корпус в 1782 году) не обошелся без напутственного молебна местного священника, т.е. опять-таки Павла Максимовича.

Итак, кое-что любопытное про деда великого химика удастся выяснить. Его бабушка, попадья Степанида Евдокимовна, родила Павлу Максимовичу трех дочерей (Наталью, Татьяну и Прасковью) и четырех сыновей (Василия, Ивана, Тимофея и Александра). Иван, отец знаменитого химика, родился в 1783 году. Дети священников имели редкую по тем временам возможность получить образование. До 1776 года единственным во всей губернии средним учебным заведением была Тверская духовная семинария, образовавшаяся в 1739 году из еще более древней начальной славяно-русской школы 1722 года. Располагалась семинария сначала в Федоровском монастыре, на одном из речных островов, а с 1809 года – на территории Тверского кремля. Принимали в нее мальчиков 10–15 лет (главным образом детей духовенства), обучение занимало около десяти лет,

причем сначала шла грамматика и синтаксис, затем «пиритика и риторика» и, наконец, философия и богословие. Все четверо сыновей священника Павла закончили Тверскую семинарию.

Современному человеку может показаться дикостью, что у братьев-поповичей изначально вообще не было никакой фамилии. Ну не давали пару веков назад при рождении фамилий мелким представителям русского духовного сословия, к которому предки Менделеева принадлежали. Наследуемые фамилии имели только дворяне. Тем не менее выпускникам духовной семинарии фамилии все-таки присваивали, порою (хотя и не всегда) на основании каких-то здравых соображений. Как шутили семинаристы тех лет, фамилии давались «по церквам, по цветам, по камням, по скотам, и яко восхоцет его преосвященство». Так, один из братьев, Александр, стал Тихомандрицким по названию речки, а от нее – села и прихода отца, в котором он, похоже, продолжил службу. Василий стал Покровским «по церквам», т.е. по имени храма Покрова Пресвятой Богородицы, где служил отец. А вот почему Тимофей остался Соколовым, в виде редчайшего исключения, унаследовав фамилию отца, остается лишь гадать.

Заметим, что все эти имена и фамилии перечислены в «Родословной таблице потомства священника в селе Тихомандрицах... составленной в Новгороде 27 января 1880 г.», братом Дмитрием Менделеева Павлом. Документ появился спустя много десятилетий после смерти их деда Павла Максимовича. В этой связи возникает вопрос: а имел ли фамилию сам Павел Максимович? Как ни парадоксально, но никто не проверял, могла ли фамилия Соколова-старшего задним числом произойти в родословной таблице от Соколова-младшего...

По данным историка В. Софронова, Иван поступил в семинарию в 1795 году и в Семинарских ведомостях за 1798 год значится как «Иван Менделеев Вышневолоцкого уезда, села Тихомандрицы священника Павла сын». Это, по-видимому, первое упоминание фамилии Менделеев. Происхождение этой фамилии – наибольшая загадка. Высказывание Дмитрия Ивановича и его брата Павла, что отец «меню делал» и за это получил прозвище, не выдерживает критики (что же тогда делал другой брат?). Более интересна их фраза о том, что в точности так же менял лошадей соседский помещик Менделеев. В этой связи заметим, что старинные фамилии граждан Российской империи заносились в особые «Памятные книги» каждой губернии, причем в наши дни многие из этих книг оцифрованы и общедоступны через интернет. Из этих «книг» нетрудно заключить, что фамилию Менделеев на рубеже XIX в. носили как минимум 20 человек, причем две трети из них проживали именно в Тверской губернии. Любопытно, что один из этих Менделеевых стал предводителем Тверского дворянства. Добавим, что из книги «Русский провинциальный некрополь» (1914 г.) и альманаха «Удомельская старина» следует, что около 30 Менделеевых захоронены на Удомельских погостах. Следовательно, семья бесфамильного Павла Максимовича проживала в регионе, «густо населенном» Менделеевыми. Заподозрить благочестивое семейство во внебрачном ребенке было бы кощунством; столь же невероятно, чтобы многодетная и малообеспеченная семья мелкого священнослужителя решилась на усыновление. В этой связи наиболее вероятно версия удомельского краеведа Д. Подушкова:

«Иван получил фамилию дворян Менделеевых, чьи земли находились недалеко от с. Тихомандрицы. Надгробия членов этого рода сохранились до сих пор на старом погосте в с. Островно (6 км от Тихомандрицы). Кто-нибудь из дворян Менделеевых, как вариант, мог быть крестным отцом Ивана Павловича».

РАССЛЕДОВАНИЕ

Спасо-Георгиевская церковь во Млѣво, где служили родственники Д.И.Менделеева. Здесь же, рядом с храмом, находится могила Марфы

Звучит правдоподобно, остаются лишь два вопроса. Первый: важно ли нам в точности установить личность «кого-нибудь из дворян»? Отметим, что по датам жизни на надгробиях упомянутого погоста в Островно все трое Менделеевых родились после Ивана (у четвертого даты жизни не проставлены). Зато на других окрестных погостах, в том числе в Верескунове, покоится как минимум 20 разных Менделеевых. Есть Менделеевы «с других кладбищ», которые по датам жизни вполне подходят на роль крестных отцов, причем крепостной Сорока, похоже, писал портреты некоторых из них. Иными словами, задача, возможно, имеет решение. Второй вопрос: целесообразно ли изучать этимологию этой, в чем-то случайно доставшейся Ивану фамилии, которую ассоциируют то с Тургеневским героем по имени Менделей, то с немецким «мандель» – миндалем, то с еврейским «мендл» – человечком. Если же пытаться искать созвучную топонимику, то единственный подходящий населенный пункт тех лет слишком отдален – деревня Менделеевка в Малороссии «генерал-фельдмаршалыцы» А.Н.Чернышовой (упомянутая в 1795 году в списке «Населені пункты Донеччины за opisом до атласу Катеринославського намісництва»).

Кстати, в одном из примечаний к автобиографии ученый пишет: «Маменька, Марья Дмитриевна Менделеева, урожденная Корнильева», а чуть выше: «Папенька, Иван Павлович Менделеев, урожденный Соколов». Написано без тени юмора; ну нет у выражения «девичья фамилия» парного эквивалента... Один из известных историков и популяризаторов химии Д.Трифонов как-то заметил, что если бы фамилия осталась за Иваном, то «мы говорили бы о... Периодической системе Дмитрия Ивановича Соколова» и именовали бы элемент № 101 «соколовий». Кстати, фамилия Соколов (от нецерковного имени Сокол), в начале XX века занимала седьмое место по частоте, а из всех фамилий, образованных от неканонических имен, уступала только Смирновым.

Непорочный круг

Вернемся к судьбе братьев-разнофамильцев. Дальнейшая карьера бывших бурсаков была во многом predetermined. Александр стал помогать в службе отцу (фа-

милія теперь обявывала), причем в дальнейшем фамилия Тихомандрицких иногда встречается у священников Вышневолоцкого уезда вплоть до 30-х годов XX века. Братья Тимофей и Василий всегда связали свою жизнь с большим селом Млѣво на Мсте. Дело в том, что млѣвские прихожане уже в течение 25 лет возводили рядом со старой деревянной церковью XI века новый каменный храм. Строили его по частям, да так, чтобы в уже готовых постройках можно было вести службу. А потому на священников-выпускников в родном районе имелся спрос. Интересно, что именно тогда, в 1815 году, на территории Млѣвской церкви была случайно обнаружена древняя могильная плита с именем Марфы. Народная молва моментально связала это имя с новгородской Марфой-посадницей, и к могиле началось массовое паломничество, которое продолжается и в наши дни. Позднее Николай и Елена Рерих вели здесь археологические раскопки, всерьез интересовались этой историей и подробно описали ее в своей книге так:

«Чудеса творятся у могилы Марфы. С разных концов новгородской земли туда идет народ. Со всеми болезнями, со всеми печальями. И помогает Марфа... С Тверской стороны не являются на могилу Марфы. Обаяние ее туда не проходит. К посаднице идут только от новгородских пятин. Идут, почему не знают. Служат молебны. Таинственный атавизм ведёт новгородцев ко млѣвской могиле».

Именно во Млѣво, к могиле Марфы, и переехали братья Тимофей и Василий; вместе с ними в селе стали жить их сестры и мать. Во млѣвской Спасо-Георгиевской церкви, достроенной в 1820 году и сохранившейся до наших дней, братья служили в 1820–1840-х годах. Братья и их потомки вплоть до XX века фактически повторяли тот же жизненный круг, который прошел их отец. Василий умер в 30-е годы, Тимофей продолжал службу. Тимофея сменил его зять – Иван Георгиевский (1811–1882), служивший в 1850–1880-е годы. (Фамилия зятя, по-видимому, опять-таки «по церквям», от названия прихода.) Внук и правнук Тимофея – отец и сын Александр и Нил Любские – вновь священники той же церкви с 1888 по 1916 год. Последний из священников в этом роду, имя которого доступно в открытых интернет-архивах, – Александр Александрович Любский, родившийся в 1882 году и приговоренный тройкой НКВД в 1937-м.

Благодаря усилиям петербургской учительницы Маховой потомки Тимофея – Любская и Ливанова – недавно пере-

Так изобразил приезд студента Д. Менделеева во Млѣво современный местный художник Л. Константинов

дали в Менделеевский музей-архив письма, написанные семьей Менделеевых семье Соколовых – из Тобольска во Млѣво. В одном из этих писем Иван Павлович мягко поучает своего племянника, тоже Ивана, сына Тимофея:

«...Дай бог, чтобы ты наследовал правоту и честность наших предков. На поле службы не должно в виду иметь перспективного: чины, богатство, жадность, а одно усердие, честность, благородное прохождение своего служения, а за ними и прочее приложится тебе... Век живи, век учишься. Кто с сими чувствами вступает в службу, тот не посрамит себя ни самолюбием, ни корыстолюбием, а тем более хищением чужого ... Извини моей морали, которой я тоже учился на берегах Тихомандрицы...»

Сам Дмитрий Менделеев в 1852 году навесил во Млѣво своих родных и провел там летние студенческие каникулы, собирая гербарий для курсовой работы. Останавливался он в доме своей двоюродной сестры, Елизаветы Соколовой, в замужестве Георгиевской, дочери Тимофея. Теперь на этом здании (дом Любских, сохранившийся со времени его постройки в 1848 году) висит мемориальная доска.

Как же сложилась судьба Ивана Менделеева? Ничто не предвещало его выхода из круговорота вполне предсказуемых событий, пример которых мы подробно рассмотрели: ему и его потомкам вполне могла быть уготована преемственная карьера местного священнослужителя, сходная с судьбой его братьев. История, однако, не терпит сослагательных наклонений: произошло событие, которое неожиданно выхватило его из заколдованного круга. Именно в год окончания Иваном семинарии (1804 год) в Петербурге открылся первый в России Педагогический институт. По замыслу его создателей, институт должен был выпускать преподавателей, преданных самодержавию и православию. Потому состав его студентов комплектовался из разночинцев, преимущественно воспитанников духовных семинарий. Студентов брали на казенное содержание и обеспечивали общежитием, но при этом для них были введены строгий режим и мелочная регламентация поведения. Странное учреждение, «вуз-призрак», просуществовало до 1816 года, затем был реорганизован в Главный пединститут и в 1819-м закрыт, дав жизнь Петербургскому университету. В 1828 году он снова возродился, снова реорганизован, причем трижды, и снова закрыт в 1858-м.

Остается лишь гадать, чья воля – самого Менделеева или его наставников (скорее, божья) привели Ивана в этот институт. Любопытно, что тот же путь (Тверская семинария – пединститут) через четверть века повторит Александр Абрамович Воскресенский (1809–1880), будущий учитель и

наставник его сына Дмитрия. Однокурсник Ивана по институту, математик, будущий декан и проректор Дмитрий Семенович Чижов (1785–1853), через полвека поможет юному Дмитрию стать студентом.

И еще один выпускник Тверской семинарии, а затем того же пединститута, имеет прямое отношение к судьбе Дмитрия Менделеева. Это Александр Тихомандрицкий (1800–1888), служивший институтским инспектором в период студенчества Дмитрия Ивановича в Петербурге. Это о нем юный Менделеев отзывался с необычайной теплотой, а юный Добролюбов – с нескрываемым раздражением. Этот Тихомандрицкий, в будущем известный математик-алгебраист, увы, не приходится Менделееву дядей, поскольку по отчеству он Никитич (а не Павлович) и родился в Твери. Не является таковым и его брат, Алексей (1814–1853), ставший профессором технологии в Киеве. Сын Александра, Матвей Тихомандрицкий (1844–1921), принял научную эстафету отца и дяди, стал профессором Харьковского университета и прославился не только как блестящий математик, но и как изобретатель стоп-крана для поездов в 1895 г.

Любопытно, что в письме 1837 года Иван Менделеев через своего племянника Соколова передает «привет отцу Никите Тихомандрицкому». Получается, что знаменитые Тихомандрицкие-математики (Никитичи) вполне могли быть знакомы со своим однофамильцем и его семьей, особенно если предположить, что их отец был земляком (или родственником) Павла Максимовича. Пока подтвердить это затруднительно, данные об отце математиков, Никите, отсутствуют. Тем не менее нам удалось обнаружить в документах Тверской епархии имя некоего Никиты Емельяновича Тихомандрицкого из Христорожественского монастыря Твери, вскользь упомянутого в родословных росписях в связи с его женитьбой на дочери тверского священника Драницына. Как минимум, священник Никита Тихомандрицкий из Твери вполне мог знать тверских братьев-семинаристов, сыновей Павла.

О подробностях петербургской студенческой жизни Ивана Менделеева сведений мало; известно, что однажды он обратился с какой-то просьбой к уже вошедшему в силу Аракчееву, но тот «щедро» откупился от земляка двумя рублями серебра. В декабре 1807 года Иван Павлович закончил словесно-исторический факультет этого института «при изрядном поведении с весьма хорошими успехами» и в буквальном смысле «попал в Сибирь» – был направлен учителем в Главное народное училище Тобольска.

Продолжение следует.

Памятный знак на месте погоста Покровский-Тихомандрицкий, установленный в 1998 г.

Использованы материалы книги Т.Разиной «Размышления о добром и прекрасном» (Удомля, 2006), подшивка альманаха «Удомельская старина», «Менделеевский сборник» (С.-Пб ун-т, 1999), открытые интернет-источники. Автор признателен Д.Подушкову за любезно предоставленные материалы и карту, художнику Л.Константинову за иллюстрацию.

Иван Менделеев

Менделѣевіа

Доктор химических наук
Е. В. Бабаев

В юбилейный Менделеевский год мы продолжаем публикацию материалов, связанных с происхождением, биографией и творчеством великого химика. На этот раз хотелось бы более пристально рассмотреть личность и судьбу его отца, педагога и директора гимназии Ивана Павловича Менделеева.

Яблоко от яблони

Несомненно, учительская профессия Менделеева-отца наложила отчетливый отпечаток на судьбу его сына. Известно, что одной из детских забав маленького Мити была игра с прислугой «в директора школы и его учеников». Прекрасная информированность о жизни и быте провинциального учителя не могли не повлиять на первоначальный выбор абитуриентом Дмитрием Менделеевым именно педагогической карьеры (причем в том же педвузе, что когда-то окончил его отец). После распределения ему пришлось, хоть и недолго, тянуть ляжку обыкновенного школьного учителя в Одессе, закупать для кабинета естествознания приборы и чучела животных. В трудные годы Д. Менделеева спасало от голода репетиторство, написание заметок для «Вестника народного просвещения». Наконец, зарплату в университете он получал именно за преподавание. Хорошо известны предложения Д. И. Менделеева о школьной реформе, в том числе призыв к *полной отмене любых экзаменов*, несомненно, ласкающий слух многим и поныне... Нереализованной мечтой Дмитрия Ивановича остался один из величайших его проектов — Училище Наставников, которое он предлагал правительству разместить в географическом центре России и бюджет которого разработал до мелочей. Как видим, хотя сын директора гимназии и не унаследовал напрямую семейное ремесло, по жизни он шагал как преподаватель, думал как педагог и в меру сил своих возвышал статус профессии учителя.

Иван Менделеев

Что же известно о жизни учителя Ивана Менделеева? Какой жизненный опыт, кроме любви к собственной профессии, он оставил в наследство сыну? В многочисленных и обширнейших биографиях Дмитрия Менделеева довольно много написано о его матери, а об отце мы находим лишь скупые строки: учитель в Тобольске, ди-

ректор гимназий в Тамбове и Саратове (иногда пишут — в Пензе). Затем снова в Тобольске, теперь уже в статусе директора. Слеп, уволен, но после операции чудесным образом прозрел, правда, так и остался безработным. В биографиях советского периода иные оттенки: педагог-гуманист, пренебрегавший церковными канонами, прогрессивный вольнодумец, писавший для журнала тайных обществ, друг каторжан-декабристов и вообще жертва гонений и репрессий николаевского режима. Эти эпитеты как раз ясны: если писать об отце химика-гения (одобренного свыше), то, значит, либо хорошее, либо ничего. А что на самом деле?

На самом деле биография Ивана Павловича и в наши дни оставляет много места для домыслов и догадок. Восстановить жизнь человека, родившегося более двухсот лет назад, можно лишь по крупицам. Биография его до сих пор не написана, хотя архивы понемногу раскрывают свои тайны. Попробуем вкратце, хотя бы фрагментарно, восстановить его жизненный путь, неотделимый от пути становления российского просвещения начала XIX века.

Мирные тобольские будни

В предыдущей статье (2009, № 2) мы расстались с Иваном Павловичем в момент, когда он закончил Главный педагогический институт и был направлен учителем в Тобольск. Произошло это по просьбе попечителя Казанского учебного округа С. К. Румовского, запросившего у петербургского вуза для своих учреждений 13 опытных педагогов-выпускников. Когда 10 декабря 1807 года Иван Менделеев прибыл в Тобольск вместе со своим однокурсником Семеном Гаревским (по другим документам — Гаретовским), выяснилось, что работы по специальности для них пока нет. Философию, изящные науки и политэкономия, которым должен был обучать Иван, преподавать было попросту некому, да и негде — гимназия в Тобольске еще не открылась, а вместо нее было Главное народное училище, в котором обучали преимущественно грамоте и счету. Тем не менее прибывших в разгар морозов однокурсников приняли с сибирской теплотой. Директор училища Протопопов поселил их в отапливаемом флигеле при училище, и долгое время они получали жалованье, но на занятия не ходили.

Летом 1808 года новым директором училища стал весьма энергичный барон Эйбен, развернувший бурную деятельность по преобразованию училища в гимназию. Добившись выделения средств для ремонта старого здания училища (и гарантий его превращения в гимназию), Эйбен, однако, так и не достиг своей цели: проблема состояла в нехватке потенциальных гимназистов и в качестве их подготовки. В этой связи к осени 1808 года попечитель Румовский наконец-то вспомнил об изнывающих от безделья Иване и Семене и, «дабы они не оставались без занятий», велел «каждому по своей части заниматься в училище приуготовлением учеников». Так прошел 1809 год и начался следующий. Видимо, не без цели познания новых для него окружающих мест Менделеев затеял при поддержке Эйбена «Статистическое описание Тобольской губернии». Похоже, в этот период у Ивана было достаточно свободного времени, чтобы глубже познакомиться с окрестностями, и с обитателями. Тем же летом 1809 года Иван Менделеев женился на купеческой дочери Марии Дмитриевне Корнильевой. Венчались 23 июля 1809 года в Богоявленской церкви (свидетелем жениха был друг Семен), а поселились молодые все в том же учительском флигеле. Из многочисленной дворни купцов Корнильевых им стали служить две дворовые девки.

Тобольск

К весне 1810 года школьное здание было наконец отремонтировано, подготовленные ученики набраны в нужном числе, и 12 марта торжественное открытие гимназии состоялось. Об этом событии сохранился ряд любопытных записей, как-то: «на плошки для иллюминации здания потрачено 85 руб. 55 коп.», здание декорировали четырьмя каменными вазами (символ четырех лет обучения), над входом повесили восьмигранный фонарь (свет просвещения) и поставили статую богини мудрости Минервы. Статую, правда, вскоре убрали, поскольку гимназисты аллегория не оценили и прятались «за Венеркой», кидаясь репой в прохожих. К лету доставили учебники и даже купили школьные часы. Учебная жизнь закипела, причем не только в Тобольске. С 1810 года министром просвещения стал человек истинно просвещенный, аристократ и магнат граф А.Разумовский. По его инициативе учителя, подобно врачам, теперь приносили клятву, им разослали четкие должностные и методические инструкции. К этому периоду относится рапорт Менделеева 1810 года, его первая «педагогическая поэма». Как бывший выпускник семинарии, он обратил внимание, что гимназисты почти не знают Евангелия, и вызвался проводить с ними «воскресные утренники» на эту тему. Инициативу поддержали, впрочем, ненадолго: на следующий же год закон Божий по высочайшей воле был введен повсеместно.

Жизнь семьи Менделеевых текла размеренно. В 1811 году родилась дочь Мария, первый ребенок будущей многодетной семьи. Своим дворовым жена Менделеева дала вольную, но преданная Прасковья решила остаться с хозяйкой и стала няней ее дочери, а затем и будущих детей. Наступил грозный 1812 год, где-то далеко под Бородино отличился Тобольский уланский полк, тверские семинаристы ушли в ополчение, Наполеон смотрел из Кремля на горящую Москву. У Ивана же все было мирно (в бумагах писал, что «в походах против неприятеля и в самих сражениях не был»), правда, однажды сгорели баня и учительская кухня. Были мирные награды: 19 января 1812 года «в воздаяние усердной службы Начальством засвидетельствованной» он был произведен в чин титулярного советника (девятый разряд в военизированной Табели о рангах, что приравнивалось к пехотному штабс-капитану или казачьему есаулу). Заботы были мирные, в основном финансовые. Надо было кормить жену и дочь, средств не хватало, а потому пришлось заложить немногочисленные семейные драгоценности, испросив ссуду на три месяца под проценты (отдать долг он смог лишь через два года). Кто-то принимал победные парады, а он в 1813 году принимал первые выпускные экзамены (впрочем, выпускников гимназии было всего трое). С 1814 года в его семье поселился инвалид, но не военный, а совсем мирный — тесть Дмитрий Васильевич Корнильев, быстро терявший память. Хотя Ивану едва удалось вернуть семье заложенные золотые реликвии, на иждивенца потребовались новые расходы. Пришлось взяться преподавать немецкий язык, пусть и за половину ставки. Мелькнула перспектива карьерного роста — новый попечитель округа Салтыков, заметив трудолюбие молодого учителя, в декабре 1814 года предложил ему «во уважение отличного усердия к службе занять при Казанской гимназии должность учителя логики и нравоучения». Менделеев, однако, «отказался от сего столь лестного для него предложения *по малому окладу*», что, кстати, потом записали ему же в плюс в более поздней характеристике. В 1815 году родилась вторая дочь Ольга, та самая, что через много лет поддержит и даже поженил своего младшего брата, сироту Дмитрия в Петербурге. Через год родилась третья дочь, Екатерина, «благоразумная Катинька» (именно она станет впоследствии главной опорой огромной семьи).

Осенью 1814 года в Тобольской гимназии сменилось начальство. Эйбен уезжал на новую службу, но его уход обернулся ему же позором (за ним выявили огромную растрату казенных средств). На смену пришел честный и еще более энергичный директор, пруссак Арнольд, профессор акушерства из Казани. Он просто кипел энергией: свою службу в 1815 году начал с благотворительного сбора в пользу школьной библиотеки, обновил кабинеты и курсы, затеял обширные краеведческие изыскания и много чего еще. Иван Менделеев всемерно, насколько мог, поддерживал начинания нового директора: на сборе пожертвований внес вместо денег три ценных издания из семейной библиотеки, по инициативе директора возродил «воскресные утренники», где учащиеся декламирова-

ли стихи (на русском, немецком и французском, а также собственного сочинения). Наконец, Иван возвратился было и к своим ранним краеведческим изысканиям. Активность Арнольда, которую современники считали началом золотого века гимназии, закончилась, однако, плачевно. Директор и учителя собирали статистические данные попросту путем поголовного опроса городничих и исправников, а финансовую поддержку своим инициативам Арнольд запрашивал напрямую у местной думы, минуя иные инстанции. Вся эта деятельность вызвала ярость тобольского губернатора фон Брина, который считал любые шаги без предварительных с ним согласований грубейшим нарушением субординации. Он обвинил директора в превышении полномочий, и для разбирательств из Казани приехала комиссия во главе с деканом университета Эрдманом.

В гимназии устроили тотальную ревизию, много дней проверяли всех и вся. В итоге Арнольд, ожидавшему выговора, объявила... благодарность, обязав, однако, впредь во всем «сноситься с губернатором». Отдельной благодарности за № 193 от Училищного комитета Казанского университета удостоился и Менделеев («За нахождение в порядке Господами Визитаторами в 1816 году»). История сохранила нам вопрос, задававшийся Эрдманом при экзаменровке учителей: «Какими методами вы пользуетесь при объяснении предмета?» Многих педагогов этот вопрос поставил в тупик, и лишь Менделеев нашелся сказать, что его метод для *новой* темы — *синтез*, а для *повторяемой* темы — *анализ*. (Чувствуется учитель философии и «предчувствуется» отец будущего химика!) Несмотря на блестящий итог ревизии, Арнольд все-таки «съели» и в феврале 1817 года отправили в отставку. Менделеева, однако, в Казанском учебном округе запомнили. Через год (1818) ему предложили повышение — пост директора Тамбовского главного народ-

Мерзницкий из Министерства затмения

Год 1817-й останется одним из самых мрачных в истории народного образования России. Как известно, 24 октября этого года Министерство народного просвещения слилось со Святейшим Синодом в новое Министерство духовных дел и народного просвещения, которое современники язвительно называли «Министерством затмения». О наступившей эпохе реакции написаны тома, а начало этих перемен отсчитывают от пожара в Москве 1812 года: «с этого времени государь решил посвятить себя и все свое царствование Господу и распространению Его славы». Страну захлестнула новая «сетевая структура» — Библейские общества, ячейки которой раздавали всем и повсюду тома Писания. Закон Божий стал главным предметом в школах и вузах, а университеты стали больше походить на средневековые монастыри. Изменения затронули и школьные программы: одним из первых приказов нового министерства было отменено преподавание философии, изящных наук и политэкономии (напомним, тех самых трех дисциплин, которым обучал Иван Менделеев).

Места просветителей сверху донизу заняли реакционеры: министра Разумовского в 1817 году сменил Голицын, а в Казанском учебном округе, где работал Менделеев, место попечителя Сал-

тыкова в 1819-м занял мракобес и обскурант Магницкий, метко прозванный Мерзичким с подачи Салтыкова — Щедрина. В качестве наиболее одиозных примеров мракобесия попечителя Магницкого обычно упоминают его первые распоряжения по Казанскому университету: сжечь ряд книг, отпеть и захоронить препараты анатомического театра, наконец, предложение публично и торжественно разрушить сам университет. На предложение разрушить университет император, однако, предписал иное: «Поправить». Что Магницкий рьяно и исполнил: выбил полумиллионную строительную субсидию, назначил «вечным» главой строительного комитета Н.Лобачевского, тогда еще не очень великого, под началом которого и создали тот великолепный фасад, который принадлежит ныне университету. Михаил Магницкий, как известно, был внуком автора первой русской «Арифметики» Леонтия Магницкого (точнее, Телятина, которому лично Петр I дал звучную фамилию от латинского *магнус* — большой). Тем не менее именно Михаил Магницкий, гордость Московского университета, третий в списке на доске почета лучших выпускников пансиона, искалечил десятки судеб своих современников, в первую очередь, профессоров и учителей. Именно он и стал отныне вышестоящим начальником Ивана Менделеева.

Тамбовская «возвышенность»

Хотя назначение в Тамбовское училище Иван Менделеев получил 7 сентября 1818 года, большая семья прибыла в Тамбов лишь в 27 января 1819-го — вероятно, дожидались санного пути через замерзшие сибирские реки. До сих пор не до конца понятно, что, кроме повышения жалованья, побудило семью резко сняться с насиженного места, где у Марии Дмитриевны оставалось много родственников. Перед Менделеевым встала задача преобразовать училище в гимназию. Помня тобольский опыт Эйбена, Менделеев оптимистично предполагал, что и здесь гимназию можно разместить в здании училища. Вскоре, однако, он написал губернатору и Магницкому, что «училище по причине ветхости деревянного дома, по недостатку нужных строений и по неудобности самого местоположения не может быть преобразовано в гимназию». Действительно, стены и потолки грозили обрушиться, в том числе в квартире самого директора, «ставни изломаны, двери едва существуют, полы сгнили». Здание не ремонтировали с момента открытия училища в 1786 году, во времена губернаторства в Тамбове поэта Г.Р.Державина. Требовались средства, а их в послевоенной России экономили; к тому же местный губернатор Безобразов предпочитал тратить свободные деньги на починку местных острогов, которые были еще более запущены.

Средств у директора явно не хватало. Помня об опыте Арнгольда, Менделеев попробовал устроить благотворительный сбор. Пожертвования, однако, собирались туго: в сафьяновой книге почетных дарителей несколько немецких фамилий и взнос... самого директора! Тут же фамилия ученика Оленина, принесшего любимой школе курьезный дар — «окаменевшее берцо слона» (оценено в 40 руб.). Прошло целых два года, но денег все не было, причем даже на самые элементарные школьные вещи: как следует из письма Менделеева в приказ от 1821 года, «от неимения часов и звонка в училище происходит беспорядок как в собирании учеников в классы, так и в выходе из оных», с добавлением (похоже, не без яда) «тем паче, что нет и городских часов».

Старый Тамбов

О талантливых педагогах Менделеев хлопотал, добивался повышения им жалованья. Но и с персоналом не все гладко: совсем другие хлопоты доставил ему молодой учитель Юферев («непокорен, упрям и склонен по временам много употреблять горячих напитков»). Менделеев попытался его уволить, но казанский попечитель рекомендовал «арестовать на целый месяц с производством ему в день по фунту с половиной хлеба и по штофу воды с тем, чтобы в то же время исполнял должность учителя». Потом «месяц» заменили на «неопределенное время» и лишь через год строптивца уволили. Как мог, Менделеев следил за нравственностью учеников. Одного из учащихся за «публичную нескромность на улице» директор, не сдержавшись, приказал высечь розгами. Понимая, чем это грозит ему самому (с 1812 г. за применение телесных наказаний можно было поплатиться должностью), Менделеев донес о собственном проступке в Казань. Его строгость, однако, одобрили, а шалуна-«ругателя» с позором исключили.

С 1822 года директоров обязали ежеквартально доносить в Казань о нравственности учителей и любых их прогулах. В этой связи любопытен отчет Менделеева, где кроме усердия «учащих и учащихся» он отметил: «Исключая, что учитель Пальмов по причине чрезмерной грязи 26 числа не был в классе». Написано серьезно, поскольку улицы в Тамбове, покрытые примитивной насыпью из песка и гравия, в распутицу настолько размокали, что пройти по ним было невозможно. Тонули телеги и лошади, обыватели беседовали через улицу или искали удобный брод, а Менделееву дважды в год приходилось порой отменять занятия. Бутовый камень, заготовленный для мощения улиц еще при Державине, пустили в дело, увы, лишь после отъезда Менделеевых из Тамбова.

Несмотря на все сложности, при Менделееве училище медленно, но верно развивалось. Иван Павлович вел оживленную переписку с Казанью и в одном из рапортов предложил ввести в курс обучения уроки логики, которые преподавались бы в добавочный (пятый) год обучения. Просьба была удовлетворена, и обучение в училище стало пятилетним, сравнившись по уровню с гимназическим. Был назначен дом для покупки под гимназию, однако переговоры растянулись на годы. Лишь за первый год Менделеев увеличил число учащихся с 80 до 124. О последнем достижении надо сказать особо.

Развитие государственной системы народного образования, в которой мы и поныне обучаем своих детей, именно тогда столкнулось с активным противодействием дворянства. Все помнят, что пушкинский Евгений Онегин в то время ни в какую начальную школу не ходил, а учил его «всему шутя» некий «француз убогий». Вот этих-то частных гувернеров, зачастую иностранцев, осевших в России после войны, и предпочитали брать дворяне для обучения детей, брезгуя училищами и гимназиями. Чему обучали такие учителя (индивидуально или в частных пансионах), было непонятно. Уговоры и штрафы на них не действовали, и тот же Магницкий развернул против «частников» нешуточную войну, привлекая к боевым действиям подчиненных ему директоров его округа. Чем больше директор выявлял таких частных заведений и сертифицировал их нравственность (а еще лучше — закрывал), тем лучше он аттестовался. Как правило, ученики после этого вынужденно перетекали в госсектор образования, пополняя госказну.

Именно этим и пришлось заниматься Менделееву. Как он писал Магницкому, содержатели пансионов в Тамбове «вообще стараются более о попрании своего состояния, нежели об образовании юношества», а по «Тамбовской губернии находится много частных учителей, о знании коих и поведении не имеется никакого сведения». Это было неудивительно: на просторах Тамбовщины усадьбы местной знати с их недорослями были разбросаны по огромной территории. Магницкий поручил ему выяснить, «кто именно и у кого находятся частные учителя, и какие имеют они свидетельства на право обучения». К «шпионскому» поручению Менделеев отнесся ответственно и вполне преуспел: два пансиона (всего из семи по округу) были закрыты в Тамбовском регионе. На просторах Пензенской губернии ту же ниву, и столь же успешно, возделывал Лажечников, в будущем известный писатель, впрочем державший в Пензе собственный частный пансион. Магницкий остался доволен обоими, однако в соседней Саратовской губернии творился полный беспорядок как в частном, так и в государственном секторе образования. Магницкий решил бросить туда «лучшие

силы» округа: Лажечников был удостоен редкой чести, предоставляемой обычно казанским профессорами, провести ревизию саратовской гимназии, а Менделееву Магницкий и вовсе предложил весной 1823 года стать новым директором саратовских училищ, в том числе и гимназии.

Это письмо застигло семью Менделеевых врасплох. Повышение по службе госчиновник Менделеев к этому моменту уже получил: из рядового титулярного советника (девятый разряд, с которым нередко выходили на пенсию) он вырос до коллежского асессора восьмого разряда. (Именно между этими чинами, «их благородием» и «их высокоблагородием», пролегал незримая граница между личным дворянством и потомственным.) К тому же семья, прожившая в Тамбове четыре года, была вполне довольна жизнью. Как писал Менделеев родным во Млево в декабре 1822 года «местное начальство меня ласково принимает, своими подчиненными доволен, учеников не мало, квартира у меня не худа, здоровье еще не худо». Сформировался свой круг общения, связи: каждый год на выпускной экзамен в училище собиралась вся тамбовская знать, включая губернатора, после чего директор устраивал в меру пышные угощения. Дочерей-подростков обучали неплохие частные учителя (училище-то было лишь для мальчиков). Как он писал, «старшие девочки хорошо читают и пишут по-русски, изучают французский язык, играют на гитаре и фортепиано, хорошо рисуют, учатся танцевать». Семейство в Тамбове увеличилось: в 1819 году родилась четвертая дочь Апполинурия (та, что в молодости изнурит себя религиозными постами), в 1822 -м — пятая дочь, Елизавета (которую позже мать вместе с ее братом Дмитрием повезет в Москву и Петербург), а Мария Дмитриевна (с годовалой дочерью на руках) уже вновь готовилась стать матерью в 1823 году. Несмотря на неоднозначность ситуации, Иван Павлович все-таки принял предложение попечителя, вероятно расценивая его как знак высокой оценки его труда и залог личного доверия и будущего расположения столь властительной персоны.

Саратовская «низменность»

Менделеевы добрались до Саратова больше недели и прибыли туда 17 сентября 1823 года. Переезд влетел в копеечку: казна выделила 550 рублей, а потратить пришлось 2000. Хлопот много: в семье «девичьего отца», как в шутку называл себя Иван Павлович, в октябре родился долгожданный сын, которого тоже назвали Иваном. Теперь в семье десять человек (с супругами Менделеевыми кроме шестерых детей жили еще тесть и няня), в стандартной директорской квартире тесновато, но Иван Павлович не падал духом. Как он вскоре написал родственникам, «хоть жалованье одно, но есть другие выгоды: дел здесь более». Дел действительно было много, причем крайне запутанных и темных. Саратовской гимназии, открытой в 1820 году, не повезло с первым же директором: эту должность, явно по протекции, получил отставной капитан А. Ченыкаев, отношения к педагогике никогда не имевший. Три года он делал то что умел: воевал с преподавателями, доносил, обвинял и увольнял всех, кто смел ему возражать. Из гимназии изгнали всех старших учителей, началось моральное разложение учеников. Этого Магницкий уже не выдержал: Ченыкаева уволили, а ревизия Лажечникова вскрыла массу финансовых злоупотреблений.

Менделеев как мог помогал распутывать сложный клубок, сочетая это и с обустройством кабинетов, и с ремонтом здания. В гимназии не оказалось учителей математики и словесности (их ведь разогнали), и Ивану Павловичу самому пришлось вести уроки и принимать экзамены. Любопытно имя одного из юных учащихся — Коля Зинин, будущий великий химик-органик, поступивший в эту гимназию в первый набор.

Второй фронт — пресловутые частные пансионы. В отчете от 1 апреля 1824 года Менделеев пишет о 20 лицах, которые «ни по нравственным качествам, ни по степени образования» ему неизвестны. Один из них — подполковник Палагейко, подает на директора встречные жалобы, защищая недочек Военно-сиротского приюта, которые сами дают уроки под прикрытием местного гарнизона.

Третий фронт — уездные училища, их надо лично объехать. Выяснилось: в Камышине школа хоть как-то работает, а вот в Царицыне училище сгорело, в Вольске же его надо создать с нуля. Генерал Ичков из Царицына предложил министру выкупить под шко-

Саратовская гимназия
тогда и теперь

ПОРТРЕТЫ

лу его дом, почти все согласовано. Менделеев, однако, не согласился, поскольку он «частным и неприметным образом» обнаружил, что дом Ичкова далековат («где-то за оврагом»), печи и стены плохи, а смотритель училища — доверенное лицо продавца Ичкова. В Вольске еще хуже: училище вроде бы объявили открытым, а учеников почему-то нет. Под школу «пожертвовал» свой дом купец Матросов, за что его пытались даже представить к медали. Менделеев же увидел, что стекла выбиты, стены треснули (купец чинить отказался), а учителя полуграмотны. Лишь через полгода «щедрый даритель» согласился на ремонт «подарка», и еще через год начались уроки.

Казалось бы, что еще, кроме глубочайшего уважения, может вызвать этот неполный перечень трудов и забот нового директора? И вдруг, как гром среди ясного неба, ревизия Магницкого в саратовской гимназии в октябре 1825 года, завершившаяся внезапным увольнением И.П. Менделеева с директорской должности. Долгое время вся эта история была окутана тайной. В чем дело? Оказывается, существует самое настоящее «Дело» об увольнении директора Менделеева, пролежавшее в казанских архивах без малого два века и обнаруженное совсем недавно историком В. Софроновым. Эти материалы еще ждут своей публикации.

С разрешения историка мы лишь вкратце очертим сюжет. Честный директор, разбираясь с запутанными финансами предшественника, внезапно обнаружил, что одна из недостач связана вовсе не со злополучным Ченыкаевым, а... с его ревизором, Лажечниковым. Эта новость вызвала ярость Магницкого, активно продвигавшего «ревизора» по службе. Месть попечителя была быстрой и жестокой: все списали на Ченыкаева, а Менделеева решили убрать куда подальше и при ревизии предъявили множество обвинений — от нечистоты в гимназии и пансионе до плохого преподавания закона Божьего. Масла в огонь при проверках подлил один из учителей, адъютант Миллер, мечтавший о кресле директора. Итог — предписание Менделееву проситься о переводе в Вятку либо Пензу «по состоянию здоровья», и назначение Миллера в должности и. о. директора. Иван Павлович, однако, под давлением жены, предпочел просить о переводе в Тобольск. Дата его заявления (декабрь 1825 года).

Как известно, в России в тот краткий период сменился монарх и многие министры. В мае 1826 года Магницкий был отстранен и сам попал под суд; его решение по Менделееву, которого пока заставили разбирать архив, не утвердили, но и Миллеру сохранили пост. Возник новый конфликт, теперь двух директоров: начались доносы и взаимные обвинения с переходом на личности, запахло дуэлью. Менделеев обратился за защитой к губернатору Панчулидзеву, что было расценено как наглость Казанским ученым советом, на котором Фукс и Эрдман поддержали Миллера, а бывший ректор Никольский — Менделеева. Губернатор за хищения сам попал под суд. Трагедия усугубилась, когда в 1826 году умерла любимая старшая дочь Менделеевых Мария, а незадолго до этого — еще и преданная няня, на которой держался весь быт семьи. Кошмар длился два года. Итоги ревизии Эрдмана, когда-то благоволившего тобольскому учителю, увы, полны упреков в адрес Менделеева. Лишь к концу 1827 года Иван Павлович дождался желанного перевода в Тобольск. В этот период Мария Дмитриевна родила седьмого ребенка, тоже Марию (младшую), и к февралю 1828 года семья вернулась в Сибирь.

Менделѣевія

Часть третья

Доктор химических наук

Е.В.Бабаев, МГУ им. М.В.Ломоносова

Продолжая публикацию серии материалов о семье великого химика (см. «Химию и жизнь», 2009, № 2, 4), остановимся подробнее на жизни Менделеевых после их возвращения из Саратова в Тобольск, а также сибирских предках великого химика. Как и прежде, мы сосредоточимся на малоизвестных фактах и взаимосвязях, которые не всегда попадали в поле зрения биографов Д.И.Менделеева.

Здравствуйте, хмурые дни

Перевод Ивана Павловича Менделеева назад в Сибирь можно четко датировать по одному из немногих сохранившихся его писем родным: «После долгих прений, наконец, дело решено Господином министром перевести меня Директором же в Тобольск, куда с получением приказа и приехал с семейством 4 февраля 1828 г.». Приказ, однако, содержал особое условие: «поручив визитатору сибирских училищ особенно наблюдать за его [Менделеева] управлением». Доносы Миллера (все-таки возглавившего в итоге Саратовскую гимназию) не прошли даром, доверие начальства было утрачено, и сама репутация директора поставлена под сомнение.

К счастью, визитатором сибирских училищ в тот момент служил П.А.Словцов, человек весьма прогрессивный, в юности и сам немало пострадавший за вольномыслие. Своей биографией он опровергал известное выражение «дальше Сибири не сошлют»: в 1793 году молодого проповедника Петра Словцова за нечестивые речи сослали из Сибири далеко на запад. (Из Тобольска его тайно вывезли на Валаам и чуть не сгноили в монастырской тюрьме за то, что в публичной проповеди он назвал монархии гробницами, а троны — их надгробьями.) Лишь годы спустя его «употребили в гражданскую службу». Словцов сделал блестящую карьеру чиновника, что, однако, не притупило ни его нравственности, ни остроты ума. Известны его письма Магницкому в защиту гонимых тем педагогов, а посмертную славу Словцову принес энциклопедический труд по истории и географии Сибири. Надзор Словцова над Менделеевым, похоже, быстро перерос во взаимную симпатию интеллектуалов, а через год Сибирь и вовсе вышла из состава Казанского учебного округа.

Архивы тобольской гимназии той поры не содержат свидетельств о каких-либо памятных переменах в ее жизни в связи со сменой директора. Иван Павлович, пожалуй, лишь повторил свое тамбовское начинание, введя и здесь в качестве нового предмета курс логики и риторики. Еще он создал при гимназии «минц-кабинет» с коллекцией монет и медалей (возможно, как-то увязывая их созерцание с воспитанием добропорядочности и патриотизма). Монотонные будни лишь изредка прерывались чем-то необычным; к таким событиям можно отнести визиты зарубежных ученых. В 1828 году Тобольск посетил в поисках магнитного полюса Земли известный норвежский астроном Кристофер Ханстин, а через год — великий путешественник и географ Александр фон

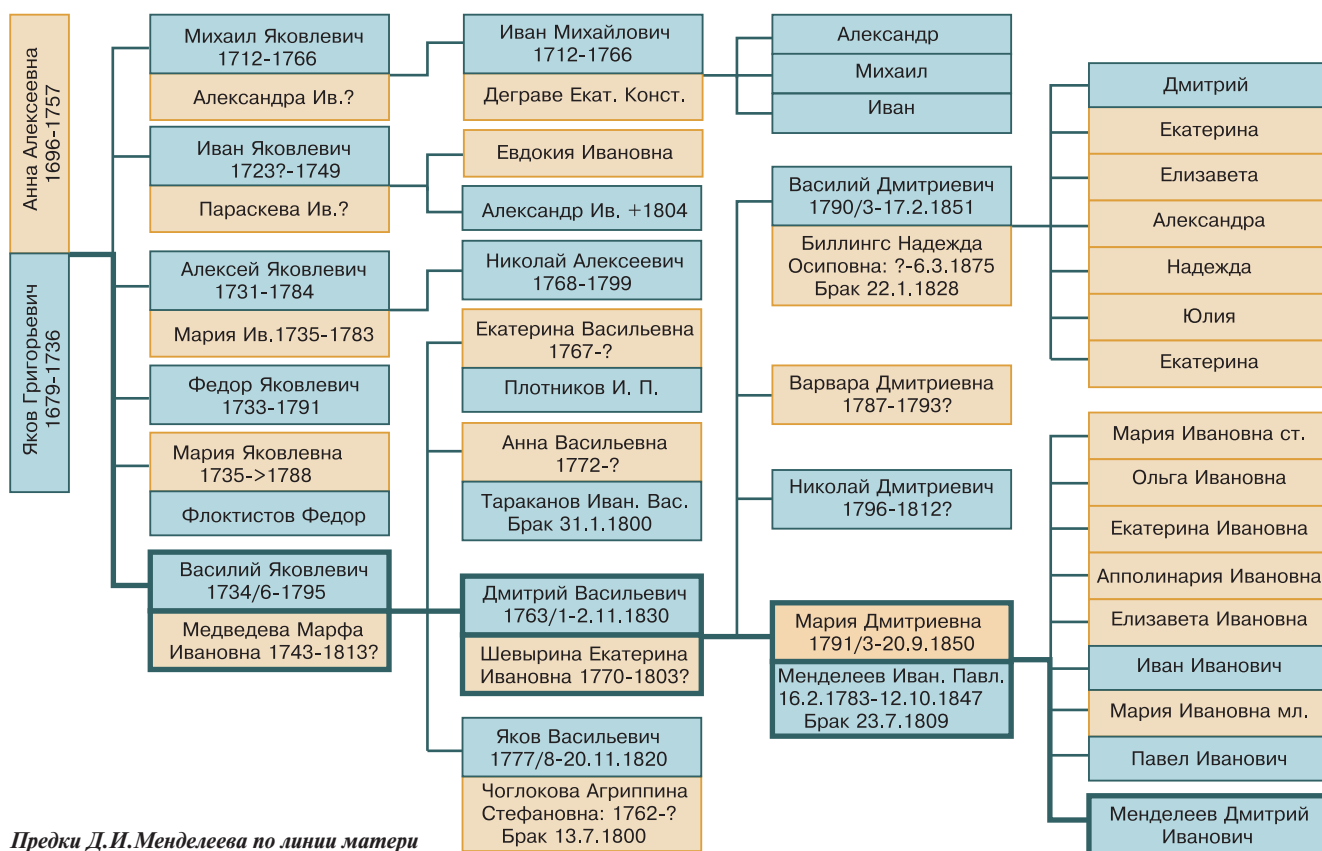

Д.В.Корнильев

Гумбольдт. Иностранцы подарили школе физические приборы, а любознательные учителя их быстро освоили и даже проводили учебные метеорологические измерения.

Развлечений в тогдашней столице Сибири было немного: как писал в книге «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» тот же Словцов, «в шести заведениях можно кое-чему научиться, а в двадцати девяти — после от всего разучиться». (Именно таким было соотношение учебных и питейных заведений.) Пожалуй, самым ярким пятном на этом тусклом фоне стал большой концерт композитора А.А.Алябьева, организованный И.П.Менделеевым в зале гимназии в январе 1829 года. Оценим необычность ситуации: Алябьев, сын бывшего тобольского губернатора, дал концерт в том самом здании, где прошло его детство (этот особняк позже отдали под гимназию), причем композитор в тот момент был рядовым тобольским ссыльным. Гусар Алябьев — герой войны, штурмовавший Париж, — был отчаянным гулякой и картежником. Как-то в Москве, всплыв, он избил партнера за карточной игрой, и тот через три дня скончался. Алябьеву, лишь по подозрению, что смерть наступила из-за побоев, пришлось отбыть трехлетний тюремный срок (именно в тюрьме и был написан его знаменитый «Соловей»), а затем его сослали «на родину» в Тобольск. В сибирском изгнании Алябьев написал другое не менее известное произведение — «Вечерний звон».

Любопытно, что воспоминание об этом концерте оставил нам будущий тесть Дмитрия Менделеева, а в те годы юный гимназист Петя Ершов. В гимназии он учился с 1827 по 1830 год и аттестат получил из рук И.П.Менделеева. Через четыре года студент Ершов напишет своего знаменитого «Конь-

Предки Д.И. Менделеева по линии матери

ка-Горбунка», а затем вернется учителем в ту же тобольскую гимназию и будет учить сыновей своего бывшего директора. А в 1828 году в семье поручика Никиты Лещева (прославившегося тем, что он первым нанес на карты озеро Иссык-Куль) и его жены Серафимы Александровны (дочери уже знакомого нам А.Г.Протопопова, бывшего директора училища) родилась девочка, которой дали необычное имя Феозва (по святым): через десять лет она станет падчерицей Ершову, а Дмитрию Менделееву — в 1862 году — первой женой.

Вернемся к семье самого Ивана Павловича. В 1832 году, после рождения сына Павла, детей в семье директора стало точно как в пословице, «семеро по лавкам» (Оля, Катя, Поля, Лиза, Ваня, Маша, Паша). Жили они, судя по всему, при гимназии в том же флигеле, что и их родители четверть века назад. Облегчением стало замужество старшей дочери Ольги в 1831 году и ее отъезд в деревню к мужу, купцу Медведеву. Подробностей об этом периоде жизни семьи Менделеевых немного: во Млево они не писали почти десять лет (переписку возобновили лишь в 1833 году в ответ на письмо встревоженных родных). Похоже, что долгое время Менделеевы пребывали в глубочайшей депрессии. Так, в первых же письмах Соколовым они поминали саратовское прошлое не иначе как «время несчастий наших», да и о настоящем писали, что «более встречали горестей, чем радостей», от чего здоровье обоих «чрезвычайно расстроено». Себя Иван Павлович именовал «дряхлым стариком», а сорокалетнюю жену — «моей старухой». Жена и вправду сетовала, что «состарилась прежде времени» из-за утраты дочери, частых родов и смерти двух годовалых детей (Варвары и Ильи), похорон отца-инвалида (В.Д.Корнильев скончался в 1830 года), наконец, из-за тревог о слабом здоровье годовалого Павла. Настоящая беда, однако, была впереди. В 1834 году семья потеряла кормильца: Иван Павлович ослеп и вышел в отставку с небольшой пенсией. Именно в этот драматичнейший для семьи момент на свет появился последний ребенок, Дмитрий.

О дальнейшем развитии событий подробно рассказано в большинстве биографий Д.И.Менделеева, на эту тему написаны десятки статей и даже сняты фильмы. Мария Менделеева с кучей детей на руках и ослепшим мужем вынуждена стать кормилицей семьи. Она перевозит семейство в деревню, превращается из кухарки и няни в приказчицу (взяв на себя управление стекольной фабрикой) и в итоге вытягивает семью из нищеты. В этом захватывающем сюжете, однако, есть ключевой момент, остающийся недосказанным. Небогатая, казалось бы, семья имела доверенность на распоряжение громадным по тем временам родовым имуществом. В их формальном владении были частная фабрика, деревенька с крепостными (полторы сотни душ), огромное имение, экипаж для выезда — о какой нищете идет речь? Чтобы прояснить ситуацию, следует подробнее разобраться с предками Марии Дмитриевны, урожденной Корнильевой.

Особенности национальной коммерции

Родословная сибирских предпринимателей Корнильевых служила предметом изысканий многих историков. Патриарх этого рода Яков Григорьевич Корнильев (1679—ок. 1736) служил управляющим тобольского губернатора М.Гагарина. По версии историка М.Громько, предком Якова был некий казак Исак Корнильев, который в 1627 году «объясачивал инородцев» и приискивал «новых земли» в районе Нижней Тунгуски. Другую версию изложил в газетной статье 1889 года тобольский краевед С.Мамеев: оказывается, Яков сам был «инородец» — телеут (белый калмык), еще в детстве вывезенный каким-то купцом из Джунгарского ханства. (Джунгары — миллионный народ, почти начисто вырезанный после восстания 1755 года против цинского императора; остатки джунгар бежали кто куда, а их последний нойон Амурсана доживал свой век в Тобольске.) Эта версия родословной, никак не подтвержденная документально, начинается в наши дни

оживать в биографиях Менделеева. В одной из них (принадлежащей перу поэта и писателя А. Полонского) вдруг «выясняется», что Митю Менделеева в детстве якобы даже дразнили «джунгаром»...

Хозяин Якова, губернатор Гагарин, прославился любовью к роскоши, через доверенных лиц нелегально закупал дешевое китайское серебро и вел торговлю, минуя платежи в казну. В итоге Петр I расправился с ним необычайно жестоко: в 1721 году после пыток Гагарина повесили, а труп продержали год на цепи в назидание другим губернаторам-казнокрадам. Интересно, что дела Якова, личного доверенного лица бывшего губернатора, круто пошли в гору: он вдруг оказался владельцем обширных пашен и покосов, преуспел в хлебной торговле. Через замужество сестры Варвары Яков породнился с богатой семьей купцов Зубаревых и заложил основы благополучия своих детей. Пятеро его сыновей — Михаил, Иван, Алексей, Федор и Василий — многократно приумножили состояние отца, и их имена вошли в историю сибирского купечества. После смерти Якова наследницей стала его жена Анна Алексеевна. Купеческая вдова зорко следила за судьбой нажитого капитала, не позволяя его делить, пока не подрос младший, и вскормила плеяду удачливых купцов, прибравших к рукам часть регионального бизнеса. Федор продолжил торговлю зерном, прикупал недвижимость, жил долго, но умер бездетным. Иван умер молодым (успев оставить сына, тоже ставшего купцом). Старшего Михаила и вовсе не надо было особо учить — с малых лет он с отцом на ярмарках. Свою долю он вложил в винные откупы (по выражению М.Громыко, «безотказные источники обогащения сибирских рыцарей первоначального накопления»). Он быстро смекнул, что семейное зерно куда выгоднее не продавать, а перерабатывать в свой же алкоголь (есть данные, что он основал собственную винокурню «Аремзянский Каштак»).

Понятно, что алкоголь надо куда-то разливать: это заботило и купцов-откупщиков, и винокуров. Мать семейства Анна решила эту проблему кардинально, добившись для сына Алексея в 1751 году привилегии на устройство в селе Верхние Аремзяны стекольной фабрики. (Аналогичную фабрику, правда, с чуть иными целями, через год открыл Михайло Ломоносов.) У нашего же Михайлы, Корнильева, начались стычки с властью (винокурение было не вполне законным); тогда он решил сам пойти во власть и за 15 лет четырежды побывал главой Тобольского магистрата. В итоге надежная крыша появилась не только у семьи над головой (Корнильевы купили несколько домов в городе, построили имение в селе при фабрике), но и у семейного бизнеса. Михаил пробивал для своих, включая свояка Зубарева, налоговые послабления (об этом сохранилась жалоба купца-конкурента), братья обзаводились новыми землями и крепостными, наконец Михаил добился трехлетней монополии на поставки вина в Березов.

По этой идиллии, однако, как и по всей вино-водочной отрасли, был нанесен удар сверху: с 1755 года к подрядным поставкам вина стали допускать лишь дворян, а купеческие винокурни ликвидировали. Монополия на тобольский алкоголь на десятилетие перешла в руки графа П.И.Шувалова (двоюродного брата знаменитого просветителя и фаворита Елизаветы И.И.Шувалова, как раз в том же году основавшего Московский университет). Этот юркий вельможа скупил все местные винокуренные заводы и поднял цену на хлебное вино вдвое.

Вернемся к последнему из Яковлевичей, Василию Корнильеву (1736—1795), прадеду великого химика. Он, как и правнук, тоже был «последыш» в семье и, пожалуй, самый предприимчивый. Получив после смерти матери в 1750-е годы свою долю наследства, он добился успеха в традиционной для семьи торговой сфере — казенных поставках хлеба и, разумеется, вина. Дальнейший рост ограничивала винная монополия Шувалова. Похоже, не без участия Михаила мест-

ные власти после окончания срока шуваловского контракта решили допустить к участию в подрядных торгах претендентов из «недозволенных к винному курению чинов», то есть подрядчиков-купцов. Показательно, что именно Василий решил рискнуть: в конце 1760-х он объединил группу купцов Сибири (и даже Урала) в акционерную компанию «Василий Корнильев с товарищами», бравшуюся ежегодно поставлять в регион 43 тысяч ведер вина по цене ниже, чем была у Шувалова. Увы, победителем аукциона вышел заводчик Походяшин (предусмотрительно скупивший все винокурни Шувалова и оставивший цены прежними). Однако и после поражения Василий Яковлевич не унывал. Как и братья, он решил вложить вырученные на торговле деньги в мануфактуры, пока самые примитивные: стал топить сало (оно бочками пошло в обе столицы, а оттуда и за рубеж). Другим его вложением в производство стал выпуск бумаги: для этого надо было всего лишь измельчить старое льняное тряпье, была бы мельница. Удачно женившись на Марфе Ивановне, сестре братьев Медведевых, он стал компаньоном другой богатейшей семьи купцов-фабрикантов, а вскоре выкупил их бизнес: бумажную мельницу и фабрику на речке Суклем. Теперь он не просто купец первой гильдии, а заводчик-фабрикант (как и его брат Алексей). Лестно, наверное, когда вся Сибирь пишет письма на писчих листах с особыми водяными знаками с его (ВК) инициалами.

Переток торгового капитала в промышленный был в то время системным явлением, мелкие мануфактуры открывали многие купцы. Выживали, однако, немногие: остройшей проблемой Сибири была рабочая сила. Вольнонаемных не хватало, ссыльных надо было стеречь, а крепостных крестьян дозволялось иметь лишь дворянам. Корнильевы, похоже, решили и эту проблему (по некоторым данным, как владельцы мануфактур, они добились низших чинов личного дворянства). За счет дешевого труда крепостных их фабрики и выжили в острой конкурентной борьбе. Казалось бы, у Корнильевых все было предусмотрено...

Беда пришла неожиданно. В апреле 1788 году страшный пожар опустошил древний Тобольск, на храмах плавился колокола. У Корнильевых сгорел салотопный завод, все товары в гостином дворе, векселя на огромные суммы, два дома. Уцелел лишь один их особняк, то самое здание, в котором позднее открыли народное училище и гимназию, где жили, учили и учились Менделеевы. А пока туда переехал главный городской погорелец, губернатор Алябьев с семьей (в том числе, с малолетним Сашей, будущим гусаром и композитором). Заливать раны Корнильевы отправились в Суклем. Незадолго до этой трагедии умерли братья Михаил и Алексей, а вскоре и Федор. Из Яковлевичей остался лишь Василий с женой Марфой; у них две дочери, малолетний сын Яков и старший сын Дмитрий (женатый на купеческой дочери Екатерине Шевыриной). Василий взял опекунство над племянником Николаем (сын Алексея и наследник стекольной фабрики), другие же племянники (дети Михаила и Ивана) переписались в мещане и разъехались. От развесистого генеалогического древа Корнильевых осталась последняя веточка.

Цена печатного слова

Фабрики чахнут, опереться Василий может лишь на сына Дмитрия, у которого, однако, слабое здоровье и, похоже, больше интереса к книгам, чем к коммерции. Что же, и на этом можно сыграть: печатное слово — тоже товар. И Василий Яковлевич решил открыть в 1789 году на базе бумажной мануфактуры первую в Сибири частную типографию. Именно этот шаг обессмертил его имя, принес ему славу сибирского первопечатника и даже просветителя. Историки до сих пор удивляются: как же так вышло, что в медвежьем углу из ничего вдруг возник полноценный литературный альманах, периодическое издание «Иртыш превращающийся в Ипокрену», а потом и еще два? (Иппо-крена — ключ, забивший под копытом Пегаса, — намек, что и в провинции есть источник вдохновения). Душой журнала стал ссыльный П.Сумароков; он неплохо рисовал (его и сослали за высокохудожественный рисунок сторублевой ассигнации) и был графоманом в хорошем смысле слова, что вполне устраивало издателей периодики. К тому же его жена-немка неплохо переводила с разных языков; видимо, оттого и начались издания с переводных книг.

Издательская активность Корнильевых столь широко освещена, что добавить можно лишь штрихи. Василий Яковлевич не мог не понимать, что его последнее предприятие убыточно. Почти каждое издание выходило тиражом в 300 экземпляров, но многие так и не были распроданы из-за дороговизны; выручало же издателей лишь то, что расходы нес Приказ общественного призрения. Скорее всего, Василий решил обеспечить непутового сына-книголюбца надежным куском хлеба: даже типографию переписал на его имя, чтобы за «справное печатание исполнительных указов» Дмитрию ежемесячно выплачивали из казны 50 рублей. Отечественная забота и бизнес не смешивались (судя по векселям, сын лез в долги, а отец в это же самое время ссужал деньги другим). Да и сам Дмитрий деловые вопросы отодвигал на задний план: в письме к губернатору Алябьеву о своих мотивах выпуска нового журнала он писал так: «Имея свободное время, будучи ничем, кроме коммерции не занят...» Дмитрий Васильевич оказался гениальным компилятором (одна из черт, унаследованных его внуком и тезкой, Дмитрием Менделеевым), разнообразие материалов, которые он размещал в своих журналах, продолжает поражать. Интересно, что и в старости, потеряв рассудок, он постоянно что-то писал на осьмушках бумаги, аккуратно переплетал их в тома, как бы все продолжая издавать свои журналы...

Именно на период ранней издательской активности пришлось рождение детей в семье Дмитрия. По церковной записи 1792 года с Василием Яковлевичем среди прочих родственников уже проживали внучата: двухлетний Вася и годовалая Мария (мать химика). Как можно увидеть в наши дни, на надгробиях брата в Москве и сестры в Петербурге почему-то выбит совсем иной, причем один и тот же, год рождения (1793). Дед почти не успел порадоваться внукам и умер в 1795 году. Типография стала печатать канцелярские бумаги. Позднее Д.В.Корнильев пытался возродить книгопечатание, но уже безуспешно; он вынужденно переписался из купцов в мещане. К тому же в 1802 году семья продала бумажную фабрику, а в 1807 году печатный станок и вовсе умолк.

В семье осталось, однако, более ценное сокровище — богатейшая по тем временам библиотека. Основу ее составили те самые полсотни книг и журналов, что были напечатаны в семейной типографии. Отсюда идет глубокая любовь к книге сначала у Марии Дмитриевны («лучшие друзья жизни моей — книги»), а затем и у ее сына. Не будем удивляться политематичности Менделеева — от ранних студенческих курсовых и заметок для «Вестника просвещения» до статей

Так выглядела обложка журнала, издаваемого Д.В.Корнильевым

для Брокгауза и Ефрона. Вспомним, кто основал в России первый журнал для химиков, кто постоянно улучшал и переиздавал главную Книгу своей жизни. Не забудем и заветную мечту Дмитрия Ивановича (увы, так и не сбывшуюся): сразу после отставки посвятить себя изданию собственной газеты. Все это — родовая традиция.

Фабрика раздора

После смерти Василия Яковлевича семейный бизнес почти угас. Стекланный заводик оказался в руках Николая Алексеевича Корнильева, алкоголика. Вновь дела взяла в руки женщина, купеческая вдова Марфа Ивановна, прабабка Менделеева. В 1797 году через совестный суд купчиха заявила свои права на фабрику и крепостных по причине «пьянства и распутной жизни Николаевой» и переписала всю движимость и недвижимость на сыновей, Дмитрия и Якова, посулив племяннику 5000 рублей отступных (тот, правда, вскоре умер, платить так и не пришлось). Ее дети, однако, были больше заняты личными проблемами, чем делами. Жена Дмитрия, Екатерина, рано умерла (ок. 1803), их дети-подростки, Мария и Василий, росли без матери. Еще один их сын, Николай,

еще юношей утонул на охоте. От горя Дмитрий Васильевич заболел тяжелым психическим недугом.

Какое-то время семья Корнильевых жила на доходы с поместья и фабрики, пока в 1808 году не последовал протест со стороны аремзянских крестьян, которые писали губернатору Пестелю, что за 12 лет были «доведены до крайности по разорению и оскудению», «претерпевают чувствительнейшую бедность и снискивают себе пропитание постыдным и зазорным образом». Дело замяли, однако и в последующее десятилетие фабрика оставалась без должного присмотра. Перед Отечественной войной Василий уехал учиться в Москву, его сестра Мария вышла замуж и позже (как мы помним, с мужем и больным отцом) также покинула Тобольск, где оставались ее бабка Марфа с сыном Яковом.

О Якове известно немного; от ведения фабричных дел тот, похоже, нацело уклонился, наняв управляющего. Более примечательна супруга Якова — некая Агриппина Чоглокова (урожденная Тарашкина), носившая фамилию своего прежнего супруга, Наума Николаевича Чоглокова. Подполковник Чоглоков оставил в истории весьма странный след: он был троюродным племянником императрицы Елизаветы и почитал себя третьей после царицы и цесаревича персоной в России и потенциальным наследником престола. Во время турецкой кампании 1769 года Чоглоков отправился волонтером в Грузию и там едва ли не публично заявил о своих притязаниях на трон. После ареста он был сослан в Сибирь, где и женился на сержантской дочери Агриппине, имел дочь, умер в 1798 году. Почему Яков Корнильев в 1800 году взял в жены вдову Чоглокову, которая была старше его на 15 лет, можно лишь гадать: короноваться та явно не планировала. Тем не менее через этот брак линия Корнильевых—Менделеевых необычно пересеклась с линией династии Романовых.

После смерти Марфы (ок. 1814) и Якова (ок. 1820) фабрика перешла к последнему потомку Корнильевых (по мужской линии) — Василию Дмитриевичу, дяде Дмитрия Менделеева. Некоторое время он приводил дела фабрики в порядок, однако в 1825 году окончательно покинул Тобольск, став управляющим дел и имений князей Трубецких в Москве. Бесхозную фабрику власти могли попросту отнять, и вполне вероятно, что именно этот факт побудил Василия в том же году обратиться к сестре с предложением переехать из Саратова в Тобольск. Ее муж Иван в тот момент как раз оформлял титул потомственного дворянина, надворного советника, который давал необходимые имущественные права. Похоже, именно этим объяснялось упорство, с которым Менделеевы отказывались от переезда из Саратова в любой другой город. Лишь однажды, в минуту ссоры и горького отчаяния, Мария Дмитриевна (всю жизнь боготворившая брата) обмолвилась об этом дочери в письме: «Время открыло мне, что я нужна была для его фабрики, которая давно уж не принадлежала бы ему, если бы я умерла в Саратове или не согласилась убедить мужа моего для детей наших ехать в Сибирь, а не в Пензу». В более поздних письмах она раскаивалась в брошенном упреке, признавала, что была несправедлива к брату.

Действительно, Василий всемерно помогал семье Менделеевых, устроил их старшего сына Ивана в пансион при Московском университете и ежегодно платил за его обучение изрядную сумму. В 1826 году в Москве открылась глазная больница, в которой стал практиковать профессор Петр Федорович Броссе. Доктор Броссе был исследователем, изучал зрение у альбиносов, провел более 2000 успешных глазных операций. Именно к нему по рекомендации Василия Дмитриевича в 1837 году отправился И.П.-Менделеев в сопровождении дочери, «благоразумной Катеньки». Операция по снятию катаракты прошла успешно,

отец семейства вновь обрел зрение, однако возвратиться к преподавательской деятельности уже не сумел.

Гуси и хрусталь

Похоже, семью Менделеевых до 1834 года не занимали ни стекольная фабрика (иногда ее называли хрустальной), ни прилегающее к ней имение. Все изменилось, когда им пришлось из-за отставки Ивана Павловича съехать с казенной жилплощади (из того самого флигеля при гимназии). Бывшие горожане научились вести деревенскую жизнь, разводить скотину и птицу, выстраивать отношения с соседями, с крестьянами, числившимися при фабрике, и мастерами, вникать в незнакомые проблемы технологии и сбыта продукции. Насколько болезненной была эта перемена, можно судить по числу судебных тяжб той поры с участием Марии Дмитриевны, сохранившихся в архивах. Ее попытку провести четкую границу своих владений межеванием тотчас попытался оспорить сосед Пчельников; она же в ответ попросту отняла лошадей у его крестьян, посягавших на ее пашни.

Фабричные, привыкнув к вольной жизни, саботировали все ее попытки улучшить производство: разбивали стекловаренные горшки, замучивали рабочих лошадей, крали и продавали дрова из господского леса, наотрез отказывались сеять хлеб, предпочитая кузнечный промысел. (По одной из версий, среди обитателей села было много цыган.) Пытаясь получить кредит под залог фабрики, Мария пригласила оценщиков для описи имущества. Взбудораженные крестьяне, решив, что их дома тоже хотят продать, написали челобитную царю, доказывая, что уже два десятилетия отстраивались за свой счет. Мария же построила для крестьян школу и шаг за шагом восстановила доверие и порядок, явно предпочитая пряник кнуту; как много лет спустя метко выразился Дмитрий Иванович, «исправляла любовью». Почти невероятно, но одну из историй об этом записал в 1950 году писатель Утков со слов столетнего старожила села Аремзяны Вакарина. Один из приказчиков на все вырученные от продажи стекла деньги накопил себе обнов, за что «барыня его лишь пожурила, хотя могла бы и в солдаты отдать». О том, как провел в деревне первые годы жизни сам маленький Митя, никаких деталей не известно; впрочем, додумать их несложно. Ни мать, ни тем более отец смотреть за ним не могли и поручали это старшим сестрам.

Благодаря стараниям матери производство и продажи выросли в несколько раз. Вырученных средств хватило на поездку в Москву и лечение. Жизнь как будто налаживалась. Но наступил 1839 год, и весь быт семьи Менделеевых в одночасье круто переменялся: из Москвы пришло тревожное письмо.

Автор признателен В.Ю.Софронову за любезно предоставленные архивные материалы. Расширенная версия публикуемых материалов со ссылками (и гиперссылками) на источники размещается в электронном архиве «Менделеевия» по адресу: www.chem.msu.ru/rus/mendeleevia/

Продолжение следует

Менделѣевія

Часть четвертая

Доктор химических наук
Е. В. Бабаев,
МГУ им. М.В.Ломоносова

Река Аремзянка на топографическом плане земель Корнильевых (1861)

Продолжая серию публикаций о великом химике (2009, №2, 4, 6), приглядимся чуть пристальнее к периоду его детства и отрочества. Хотя по всем бумагам родился Менделеев в Тобольске, до пяти лет он рос на берегу речки Аремзянки в маленькой деревне, которую справедливо называют его малой родиной. (Имя речки по В. Софронову идет от татарского слова «гарифзян», что означает «мудрый хан»). В наши дни имеются два села — Нижние Аремзяны (старинный татарский юрт в низовьях Аремзянки при ее впадении в Иртыш) и Верхние Аремзяны, стоящие вверх по течению реки, старинная вотчина Корнильевых. Впрочем 200 лет назад никаких Верхних Аремзян не было, на старых картах значится крупное село Аремзянское (где жили фабричные крестьяне), а неподалеку — маленькая деревушка Мало-Аремзянская (на одной из карт — просто Аремзянка), где на высоком косогоре стоял господский дом, фабрика и живописная церковь.

Интересное предание об этой семейной церкви есть в книге по истории сибирской иконописи. Оказывается, на одной из икон этого храма среди грешников в сцене Страшного суда был достоверно изображен некий тобольский митрополит. (Один из губернаторов именно так выразил свою неприязнь к нему, а икону подарил Корнильевым.) Менделеевы об этом знали, а потому, едва очередной владыка намеревался посетить их село, страшно беспокоились и спешно прятали икону на чердак.

Детство «первое»

В своих воспоминаниях Менделеев назовет этот период «мое первое детство», откуда он получил свои «первые впечатления от природы, от людей и от промышленных дел». Природа — это не только живописные окрестности, это прежде всего живая природа. Предприимчивая мать в одном из писем сообщает, что завела в деревне немало живности: коров, лошадей, овец, свиней, коз, гусей, уток, индеек, кур. Такое изобилие не могло не привлечь внимания любопытного «последыша». Спустя несколько лет этот интерес дал замечательные плоды. Невозможно без улыбки читать курсовые работы студента Менделеева по зоологии, где под его пером сухая таксономия родов и видов вдруг оживает, перемежаясь пассажами, исполненными трогательной нежностью к животным. Известно, что он едва удержался, чтобы не избрать зоологию своей специальностью, но в последний момент передумал (видимо, к счастью для потомков). А сколько позднее он написал статей о животноводстве, даже о навозе есть отдельная статья!

Память о беззаботном деревенском детстве, судя по всему, была столь сильна, что повлияла и на образ жизни, избранный Менделеевым в зрелые годы. Вспомним ту страсть к сельской жизни, которая много лет спустя вдруг обуяла столичного профессора, прикупившего имение Боблово. При этом постоянные поездки в село за тридевять земель имели целью отнюдь не только уединенные занятия агрохимией. Скорее, наоборот: именно туда, в деревню он перевез своих сестер с их бесчисленными чадами и родней, что явно не способствовало уединению. Похоже, он все пытался вплоть до глубокой старости воссоздать вокруг себя мирок огромной и счастливой семьи, вернуться в то «первое детство», в окружение любящих и любимых людей. Конечно, детские «впечатления от людей» не исчерпывались семьей. Весь быт родителей был пронизан дружественным отношением к своим крепостным и фабричным, что не могло не повлиять и на сына. Своим дворянским титулом, доставшимся по рождению, он не кичился, а, напротив, как известно, всегда обожал потолковать с простым людом, прислугой, мастеровыми. В конце жизни Менделеев на три часа заехал в Аремзян-

Вид на церковь д. Мало-Аремзянская (фото Д. Менделеева)

ку повидать своих сверстников, тех самых крепостных, с кем он когда-то играл в бабки...

И конечно же в память ребенка навеки впечатался стекольный завод – волшебство огня, превращающего привычные пепел и песок в тягучий, а потом звонкий хрусталь. К тому же на фабрике, похоже, творчески экспериментировали с окраской стекла: спустя сто лет при раскопках тут нашли необычный «клад» из оплавленных стекляшек и бус всех цветов радуги (не иначе как дети и закопали свои «сокровища»). Впрочем, из всех детей только у Дмитрия эти яркие образы переросли в профессиональный интерес. Его дипломная работа – анализ стеклообразного силиката. Его магистерские тезисы – анализ строения твердых растворов на примере кремнезёмов, то есть тех же стекол. Его заключительный труд по физической химии – следующий этап обобщения все той же темы, попытка охватить единой теорией растворы в целом: твердые, подобные стеклу, и обычные жидкие. Наконец, вспомним его статьи о технологии (не только стекловаренной), работы по фабрично-заводскому делу, книгу-пособие о том, где надо строить заводы.

Наверное, этих примеров достаточно, чтобы увидеть характерную черту Менделеева: все то, что в «первом детстве» попало в луч его внимания, что стало близким и родным, не только не исчезало и не вытеснялось из его памяти, а, наоборот, бережно сохранялось, переплавлялось и в итоге перерастало в профессию, характер, судьбу.

Утерянный рай

Дети Менделеевых подрастали. Повзрослевшая Катя в апреле 1839 года вышла замуж за М. Я. Капустина, овдовевшего чиновника, и переехала жить к нему в Тобольск, став приемной матерью двоим его детям, а позднее нарожала полдюжины своих. Внезапно обнажилась проблема, на которую Мария Дмитриевна до поры закрывала глаза: она стала разрываться между делами фабрики и воспитанием пятерых оставшихся детей. Отъезд Катеньки (которая «заступала место матери» при детях и «путеводила сестер») был лишь предвестником назревавшей драмы. Через месяц гром грянул из Москвы: старшего сына Ваню отчислили из университетского пансиона за дурное поведение. В ультимативной форме родители затребовали выслать Ванечку назад в Сибирь под их присмотр. Московский дядя, Василий Корнильев, долго не соглашался. Он предложил пристроить непутевого племянника на службу по межевой части, на что Иван Павлович резонно возразил, что «боязно: межемерная часть – пьяная часть, где служащие, находясь всегда на свежем воздухе, нередко согреваются искусственно». Не особенно сдерживаясь в выражениях в адрес сына («пакостлив как кошка, а труслив как заяц и плаксив»), отец тем не менее полагал, что его сердце «еще не окаменело

ПОРТРЕТЫ

и не огрубело совершенно в пороках». Отчаянию же Марии Дмитриевны и вовсе не было предела, во всем она винила только себя и злополучную фабрику, в жертву которой была принесена нравственность ее детей.

Всю весну семью преследовали недобрые знамения: сначала наводнение, потом пожар, в котором сгорела их церковь с печально известной иконой. Мать писала, «как пожар и наводнение разрушили на фабрике пятилетние труды мои, так пороки и страсти злополучного сына разрушили все попечения его благодетелей». В довершение всего новый зять вместе с Катей были вынуждены уехать совсем далеко — в Омск, ставший летом 1839 года новой резиденцией генерал-губернатора (отчего все учреждения и их чиновники перебирались вслед из старой столицы Сибири в новую). Как вспоминали тогда, в городе внезапно стало тихо, лишь белки, птицы да лягушки изумленно скакали по улицам враз опустевшего Тобольска.

После отъезда Капустиных освобождался их дом в Тобольске на Болотной улице (ныне улица Менделеева), и к августу в семье созрело окончательное решение о переезде в город, тем более что Ваня вернулся и должен был продолжить учебу в гимназии, да и младших мальчиков пора было готовить к школе. Мария Дмитриевна решает оставить фабрику (наняв управляющего, к большому неудовольствию брата) и перевозит всежитое, включая живность, в Тобольск. С этого момента семья отказывается от официальных выездов, все расходы урезаются, штат прислуги минимален, а сестры (Поля, Лиза и даже 12-летняя Маша) шьют платья на продажу. Мать успокаивается, она посвящает всю себя детям, по вечерам читает им вслух книги из библиотеки Корнильевых, а с утра семилетний Паша и пятилетний Митя отвечают уроки старенькому учителю. Беззаботное первое детство для младшего закончилось.

Детство «второе»: второклассник и второгодник

Спустя два года (в 1841 году) девятилетнего Пашу отдали в гимназию. Учиться тогда брали в восемь-девять лет, учебный год начинался 1 августа, а обучение с 1836 года стало семиклассным. Чтобы младший Митя один дома не баловался, упростили взять и его в возрасте семи лет (с тем условием, что в одном из классов он пробудет два года). Первые два класса он закончил вполне успешно, а затем, вынужденно став второгодником,

резко съехал по всем предметам, видимо потеряв интерес к повторению уже пройденного. Увы, и позднее он учился неровно, был типичным троечником, с редчайшими пятерками (по математике у любимого им учителя Руммеля), четверками (по истории у Доброхотова) и сплошными колами и двойками по латыни (у ненавистного Резанова, или «Редьки», с которым «доходило до драки»). Низкая успеваемость грозила исключением. Его тем не менее переводили «без задержек», как он полагал, «в виду того, что общая подготовка и должное развитие все же у меня были и оставление в классе только бы испортило, вероятно, всю мою жизнь». Впрочем, для него-то как раз могли делать исключения, все-таки сынок бывшего директора, да и дом гимназии — Корнилевский, стены помогали. Твердая четверка по законоведению тоже понятна: сестра Маша вышла в 1845 году замуж за учителя М.Л. Попова, который и вел этот предмет. Впрочем, по оценкам заметно, что, когда надо, мог и собраться, к экзаменам готовился много серьезнее, чем к урокам, оттого, видимо, и аттестат вышел вполне благопристойный. В итоге получилось, что гимназию второгодник «окончил без задержек» совсем юным, 15 лет от роду, обогнав по возрасту остальных выпускников 1849 года. (В аттестате, чтобы документ выдали, недорослю приписали 16 лет.)

Самое курьезное, что через много десятилетий свой совершенно нетипичный случай обучения (и по срокам учебы, и по особому отношению учителей к нему и его оценкам) Менделеев предложил сделать универсальным: всеобщее обучение начинать с семи лет и заканчивать в 15; латынь желательно отменить, а переводных и выпускных оценок вообще не ставить. Что-то даже сбилось; жаль, он позабыл, как из-за холеры начало учебного года однажды сдвинули на 1 сентября...

Ненависть к латыни в жизни Менделеева приобрела настолько гипертрофированные черты, что заставляет задуматься. Это не миф, он действительно разбивал камнями и жег учебник по латыни на Панином бугре, с нежностью цитировал свою няню, для которой «латынец» было ругательным словом, настаивал, что для России «Невтоны важнее, чем Платоны», требовал убрать мертвые языки и все «классическое» из учебных программ. Между тем стоит вспомнить, что устремления его отца были прямо противоположными: Иван Павлович всю жизнь усиливал классическую компоненту в образовании, о чем говорят его нововведения (курсы логики и риторики в Тамбовской и Тобольской) и даже тайная страсть — так и не увидевший свет перевод «Латинских древностей». Возможно, что отрицание всего «классического» было скрыто в подсознании ребенка и вылилось в форму протеста против идеалов безвольного отца в пользу деятельной матери, призывавшей избегать «латинского самообольщения».

Homo unius libri

Пылкую страсть к реформам образования и отрицание классики Менделеев мог усвоить и от одного из своих учителей — Петра Ершова. П.П. Ершов, выпускник той же гимназии, окончил столичный университет и яркой звездой вспыхнул на небосклоне отечественной литературы, представив в качестве курсовой работы по словесности своего «Конька-Горбунка». Обласканный корифеями, удостоенный восхищения самого Пушкина, Ершов, этот homo unius libri (на ненавистной, но меткой латыни — «человек одной книги»), увы, не смог создать иных произведений, равных своей юношеской сказке. Его звезда будто прогорела и угасала, а «Горбунка» вскоре надолго запретили, усмотрев насмешки над властью.

Романтик до мозга костей, Ершов в 1836 году добровольно вернулся назад в Сибирь, учителем в свою бывшую гимназию, исполненный благородных планов, мечтавший «разрушить умственные цепи», посвятить себя просвещению этносов. В Тобольске Ершов написал новую школьную программу словесности, где место классических текстов занимала современная

ему поэзия и проза, разрабатывал проект полной реформы обучения в гимназиях. На уроках Ершов читал ученикам Пушкина и Жуковского, рассказывал о своих встречах с поэтами. На каких-то уроках сидел и юный Менделеев, правда, по словесности у него — обычная тройка.

Директором гимназии в 1837—1849 гг. был малограмотный чиновник Качурин. У него, как и у некоторых других учителей Менделеева, образование исчерпывалось четырьмя классами той же гимназии. Качурин требовал жестких регламентов во всем, от длины волос учителя до слепого следования букве утвержденных программ. Ершов задыхался от возмущения, но вынужден был подчиняться. Свою программу он отправил в 1844 году на рассмотрение в министерство в надежде, что хотя бы опубликуют. Чиновники, однако, были в недоумении: как это «ввести преподавание Пушкина и Гоголя в школе»? Просто неслыханно, как такое вообще может прийти в голову. Лишь через три года (!) пришел краткий, невнятный ответ: «Не вполне отвечает понятиям воспитанников». Отказать...

В 1844 году Ершова назначили школьным инспектором, ему в обязанность вменялось постоянно быть при учениках. Хотя теперь-то, во время долгих пеших прогулок он все-таки мог читать им стихи. Интересно, что под школьным аттестатом Менделеева 1848 года стоит подпись Ершова (в тот момент исполняющего обязанности директора). Поста директора этой гимназии Ершов добился лишь в 1857 году и прослужил до 1862 года. В поздний период Ершов — автор едких эпиграмм, ряд которых включен в сочинения Козьмы Пруткова.

Менделеева и Ершова связала не только гимназия, но и родственные узы. Вскоре после своего появления в Тобольске Ершов влюбился в Серафиму Лещеву, вдову с четырьмя детьми. Одну из дочерей, десятилетнюю Феозву, та отправила к своему брату Протопопову в столицу в 1838 году. В следующем году Ершов сделал Серафиме предложение, сыграли скромную свадьбу. Из письма матери Феозва узнала о том, что у нее появился отчим. Непонятно, правда, видела ли она его когда-либо, а если и видела, то помнила ли? Через шесть лет, когда Феозва училась в Екатерининском институте в Москве, ее мать Серафима скончалась, о чем дочь узнала из письма отчима в 1845 году. Такое вот у них получилось родство — краткое и «заочное». Ершов был женат несколько раз, но всю жизнь (до самой смерти в 1869 году) он переписывался с Феозвой и даже побывал в столице в 1858 году; возможно, они все-таки встретились. Дмитрий Менделеев, став в 1862 году мужем Феозвы Никитичны, чем мог помогал Ершову: хлопотал о пенсии, о переиздании сказки — все же какой-никакой, а тещь...

Герои, персонажи, люди

В конце 1830-х, примерно тогда же, когда семья Менделеевых вернулась в город, в нем стали потихоньку появляться не совсем обычные жители — ссыльные декабристы. Каторжане и ссыльные шли, понятно, с запада (как правило, в обход Тобольска), а вот декабристы двигались с востока: у многих закончился срок каторги, и их перемещали на поселение. В Тобольске сформировалась самая большая колония из 15 декабристов (семеро нашли здесь последний приют). Как писал Менделеев, «семьи декабристов в те времена придавали тобольской жизни особый отпечаток, наделяли ее светлыми воспоминаниями». После посещения Тобольска в 1899 году он упоминает

Петр Павлович Ершов

лишь три фамилии: «А тут жили почтенные декабристы — Фонвизин, здесь Анненков, тут Муравьев, близкие к нашей семье». Чем же запомнились ему эти трое?

Начнем с последней фамилии. Муравьевых в Тобольске побывало двое. Старший, Александр Николаевич (1792—1863), прошедший всю войну полковник генштаба, основатель первого декабристского тайного общества (Союза спасения) прибыл в ссылку в весьма необычном качестве — губернатором. Царь, видимо, счел его вину минимальной (к моменту восстания полковник охладил к своему детищу), а потому милостиво доверил этот пост опытному человеку. Недолгий период этого губернаторства (1832—1834) тобольяки считали лучшим в своей истории, впервые в крае началась серьезная борьба с мздоимством. Скоро, однако, беспокойного правдолюбца перевели в Вятку. В те годы общаться с градоначальником по делам гимназии довелось лишь ее директору И.П.Менделееву. Его сын Дмитрий мог помнить лишь младшего родственника — корнета лейб-гвардии Александра Михайловича Муравьева (1802—1853), прибывшего в Тобольск в 1845 году с женой Жозефиной и пятью детьми. Служил он младшим писарем, но век бывшего кавалергарда, как в песне, был недолог: скончался он здесь же (за две недели до дня его официального поминовения). Для своих детей Муравьевы устраивали балы, маскарады и елку, конечно же приглашая и младших Менделеевых. (К балам Митю готовили в особом танцклассе, где однажды он отказался танцевать с некоей Сонечкой Каш; лет через десять она стала его невестой и напомнила об этом случае.)

Следующий в списке, поручик Иван Александрович Анненков (1802—1878), прибыл в Тобольск в 1841 году и ведал делами ссыльных в Приказе общественного призрения. (Это его роль в советском фильме «Звезда пленительного счастья» блистательно сыграл Игорь Костолевский.) Его жена, француженка и бывшая модистка Полина Гельб, ставшая Прасковьей Егоровной Анненковой (1800—1876), оставила мемуары (которые, правда, обрываются 1830 годом). Как известно, их венчание состоялось в церкви Читинского острога: жениха привели в храм в кандалах, которые сняли лишь на паперти, а после венчания вновь надели. (Всю жизнь жена носила крест и браслет, сделанные из кандалов мужа Бестужевым.)

Если Менделеевы старшие дружили с Анненковым-декабристом, то Менделеевы младшие — с его детьми, «декабрытами»: Ольга Анненкова (Иванова) уехала в Омск и тесно сблизилась с Екатериной Капустиной, а старшим другом Мити стал сын Анненковых Владимир. На стенах своего дома в Тобольске кавалергард Анненков держал коллекцию старинного оружия; как пишут, он любил давать уроки фехтования не только своему сыну Володе, но и его однокашнику Дмитрию Менделееву. Хотя пером химик овладел явно лучше, чем шпагой, об этих уроках он вспомнил спустя несколько лет, когда вышел знаменитый роман Александра Дюма «Учитель фехтования», главными персонажами которого были те самые супруги Анненковы. От со-

ПОРТРЕТЫ

ветской историографии не мог укрыться и еще один «революционный» след: именно Владимир Иванович Анненков, став позже председателем Самарского окружного суда, осмелился в 1892 году взять на работу молодого юриста Владимира Ульянова, брата казненного государственного преступника.

Особую роль в жизни Марии Дмитриевны (да и всей колонии декабристов) играла ее ближайшая подруга, Наталья Дмитриевна Фонвизина, урожденная Апухтина (1803 ?—1869). Бросив двоих грудных детей, та последовала в ссылку за своим мужем. Ее супруг, Михаил Александрович Фонвизин (1788—1854), отставной генерал-майор, едва приехав на поселение в Тобольск в 1838 году, подал оставшееся без ответа прошение о переводе рядовым на Кавказ. Понятно почему: герой Бородин, он начал службу адъютантом Ермолова и Барклая, прошел от Аустерлица до Парижа и закончил войну в оккупационном корпусе, пленившем Наполеона. Уйдя в отставку в 1822 году, он женился на шестнадцатилетней красавице. История этого брака легла в основу судьбы Татьяны в «Евгении Онегине» Пушкина.

Ужель та самая Татьяна? В реальной жизни история была следующей. За юной Натальей Апухтиной ухаживал некто Рунсброк, но, узнав, что ее семья на грани разорения (имение описали за долги, а отца задержали), он отношения прервал. Девушка пыталась убежать в монастырь, но с дороги ее вернули. Спас положение двоюродный брат матери, М.А.Фонвизин, седой генерал (член семьи-кредитора), посватавшийся за бесприданницу. Жена всю жизнь была благодарна мужу за благородство, о чем при случайной встрече на балу и сообщила Рунсброку. Даже отчество у Татьяны Пушкин сохранил то же, что у Натальи Дмитриевны. Сама Фонвизина писала И.И.Пушину (своему второму мужу): «Ваш приятель Александр Сергеевич, как поэт, прекрасно и верно схватил мой характер, пылкий, мечтательный и сосредоточенный в себе, и чудесно описал первое его проявление при вступлении в жизнь сознательную». Даже сам Лев Толстой «не устоял» перед Фонвизиной: свой (так и не законченный) роман о декабристах он начал с образа некоей женщины, бросившей ради сосланного мужа двоих грудных детей...

Тема воспитания детей была главной в дружбе М.Д.Менделеевой с Н.Д.Фонвизиной. (Четверо детей Фонвизиных умерли, и они удочерили трех воспитанниц.) Впрочем, склонность Фонвизиной к мистицизму и даже ясновидению, ее экзальти-

Наталья Апухтина-Фонвизина (пушкинская Татьяна) и ее муж генерал М. Фонвизин

Герой романа Дюма «Учитель фехтования» Иван Анненков и его жена Прасковья Анненкова (Полина Гельб) с крестом из кандалов мужа

ПОРТРЕТЫ

рванная религиозность, жертвенность притягивали многих. Это Фонвизина подбила Анненкову и Муравьеву тайно проникнуть в Тобольский острог и накормить ссыльного Достоевского. Все три семьи нередко бывали в гостях у Менделеевых, там же появлялся и Ершов. В общем, литературные пробелы второгодник Менделеев мог с лихвой восполнить личным знакомством с персонажами, этой литературой воспетыми.

Добавим еще трех декабристов, близких этой семье: врач и музыкант Свистунов (лечивший детей Менделеевых), поэт А.Н.Чижов (племянник того самого Чижова, однокурсника Ивана Павловича) и конечно же Николай Басаргин. В 1842 году сестра Мити Ольга Медведева овдовела и лишилась крова: за имущество мужа-купца началась долгая тяжба. Ольга жила то у матери в Тобольске, то у сестры Кати в Омске, где, видимо, и познакомились с Басаргиным, а в 1847 году они поженились.

О влиянии, которое оказали на сибиряков декабристы, написано много; ограничимся лишь парой цитат. Н.Басаргин: «Они поняли, что наше уважение нельзя иначе приобрести, как хорошим поведением, и поэтому старались казаться порядочными людьми, и, следовательно, усвоили некоторые нравственные понятия». В.Чивилихин: «Разбуженный декабристами Герцен (толком и не знавший их лично) воскликнул: «Да, это были люди!» А девяностолетняя неграмотная бурятка Жигмит Анаева из Селенгинска, не слышавшая о Герцене, но хорошо знавшая многих, просто, спокойно и мудро, можно сказать, возразила ему: «Это были боги, а не люди».

Сороковые роковые

Посвятив себя семье, Мария Дмитриевна готовилась пожинать плоды спокойной старости. У Маши (жившей в соседнем флигеле) и Кати (в Омске) появлялись все новые внучата, Ольга с Басаргиным поселились в Ялугоровске и вскоре удочерили ребенка. Иван закончил школу, устроился на службу в Омск и жил в доме Капустиных, под неусыпным наблюдением старшей сестры. Павел, однажды побывав у них, был так очарован Капустиными, что твердо решил по окончании учебы уехать туда же. После долгих хлопот, сбора разрешений и пожертвований мать построила и освятила в Аремзянке новую церковь, открыв при ней крестьянскую школу. Воспитав шесть дочерей, она лелеяла в душе тайную мечту: когда-нибудь открыть первую в Сибири гимназию для девочек. (Мечту воплотили ее друзья-декабристы через год после ее смерти.) Опасения вызывали лишь здоровье (ее и мужа), падающие с каждым годом доходы от фабрики да все более странный образ жизни двух младших дочерей, явно не стремящихся создать семью.

В 1840-е годы на Алтае появился миссионер Макарий, одержимый идеей введения чина диаконисс. (Духовные отцы есть, отчего же не быть духовным матерям?) Не найдя поддержки у иерархов, он стал проповедовать. Под его влиянием одна из тоболячек Е.Ф.Непряхина стала первой из таких диаконисс. Следующей жертвой в 1844 году пала Аполлинария Менделеева, признавшая Непряхину своей духовной матерью. Теперь Полю мало интересовала семья: стоя на коленях в любой церкви, она молилась ночи напролет. Сестра Лиза потянулась за ней.

Дела фабрики пришли в полный упадок. Начиная с 1844 года письма матери о ней напоминают фронтовые сводки о все возрастающих потерях. Хлопочут декабристы и их дру-

Ваня, старший брат Дмитрия

Мария Менделеева

зья, Якушкин и Пущин озабочены возами непроданного стекла. Фабричные из сочувствия к барыне работают в долг, но все тщетно. В октябре 1847 году умер Иван Павлович. Ершов снял с уроков гимназистов-певчих, Качурин отпустил учителей проводить в последний путь бывшего директора. Поля еще больше ушла в молитвы (как казалось матери, «искала смерти»), даже тяжело простудившись, согласилась ставить пивявки и греть ноги в ванне лишь с благословления духовной матери. В январе 1848 года она умерла. Из письма матери в Омск: «К чему еще должна я готовить себя? Или лучше: чего не могу я вынести теперь, когда в течение трех месяцев похоронила мужа и дочь и не падаю под тяжестью судьбы моей?» Семья едва спаслась в холерное лето, когда за месяц умерло 600 человек и лишь четкие действия декабристов остановили эпидемию. Пашу отослали в Омск, а Лиза все никак не выходила из депрессии. Тем же летом 27 июня в Аремзянке пожар: сгорели фабрика и все склады, забитые так и не проданным стеклом. Декабрь 1848 года: сгорели конторские помещения и все бумаги...

Непонятно, как мать с Митей и Лизой дожили до 12 июля 1849 года, когда последышу вручили аттестат. Наверное, выручал ее девиз «Терпение должно быть щитом моим». Можно было, конечно, распродать книги, но что-то остановило: «Напрасно, милая Катенька, думаешь ты, чтобы я стала продавать фундаментальную библиотеку, а послать к вам каталог считала нужным для того, чтобы вы, как дети, знали, в чем состоит мое богатство, под залог коего в другом месте могла бы иметь деньги».

Оставаться в Тобольске невозможно: боязно за Лизу, да и жить на что? (Брат отказался инвестировать в пепелище.) Быть иждивенкой у одной из трех замужних дочерей? Это не в ее принципах, к тому же хоть кто-то в семье должен продолжать традицию мужа и получить высшее образование — это может быть лишь Митя. Отправить его одного? Нет уж, довольно истории со старшим братом. Поехать с ним, но куда? Выпускникам Тобольской гимназии, все еще относимой к Казанскому округу, путь один — в Казанский университет. Но еще свежа память саратовских унижений от тех самых казанских профессоров. Остается последняя надежда — брат. «Братец богат и счастлив, а я бедна и злополучна», он пожалеет и поможет. В Москве ведь тоже есть университет, а там Шевырев, знаток латыни, наверное, еще помнит мужа. В Москву!

Продолжение следует

Менделѣевія

Часть пятая

Доктор химических наук
Е. В. Бабаев,
МГУ им. М.В.Ломоносова

*Утраченный Водопьяный переулок
(1850-е гг.)*

Летом 1849 года Мария Менделеева с детьми Митей и Лизой, взяв верного слугу Якова, отправилась в далекую Россию. В Сибири так и говорили «поехать в Россию»: оттуда Россия виделась не только как целое, но и как ее часть западнее Уральских гор. Несколько недель потребовалось семье, чтобы преодолеть почти 2500 км, разделявших Тобольск и Москву. Столица Сибири строилась по камертону древней столицы России. А потому лишь у Тобольска и Москвы так поразительно совпадает топонимика: в центре каждого — Красная площадь с кремлем, где за кремлевскими стенами высятся Успенские соборы — сердца городов, веками бьющиеся в унисон.

Призрачная менделеевская Москва

В Москве Мария Дмитриевна остановилась у брата, Василия Дмитриевича Корнильева. Устроить сына Дмитрия в университет, однако, не удалось. Как он позже написал в автобиографических заметках, «государь Николай Павлович приказал принимать только из своего округа, и, несмотря на дружбу Шевырева, Кудрявцева и других профессоров с дядею В.Д.Корнильевым, меня не приняли». Других воспоминаний самого Д. И. об этом периоде немного, хотя он неплохо запомнил дядю («жил в Москве богачом») и пять его дочерей (их письма петербургскому студенту дошли до нас). Еще он сохранил яркое воспоминание о встрече с Гоголем на квартире у Корнильева: «Гоголь сидел как-то в стороне от всех, насупившись. Но взгляд и всю выраженную в его фигуре индивидуальность забыть нельзя. Я многое тогда в нем понял... Он будет все расти».

Заметим, что прожили Менделеевы в Москве довольно долго, более полугода (до весны 1850 года), да и в зрелые годы Дмитрий Иванович не раз сюда наезжал. Несмотря на скудные сведения, можно задать вопрос из области москвоведения: какая же она, «менделеевская Москва»?

Понятно, что Менделеевская улица в Москве (адрес химфака МГУ) и метро «Менделеевская» (неподалеку от РХТУ)

имеют отношение лишь к химическим вузам, но не к самому Дмитрию Ивановичу. Из учреждений с именем Менделеева напрямую связан Политехнический музей (здесь Д. И. выступал на промышленном съезде). Не забудем и гостиницу «Отель-рояль» на Мясницкой, 13, где он нередко останавливался во время кратких визитов в Москву.

Важнейшая точка менделеевской Москвы — Покровка, 22, знаменитый «дом-комод» у Покровских ворот. Дом этот принадлежал князьям Трубецким, и его называли московским Зимним дворцом в миниатюре, хотя за причудливую архитектуру и форму окрестили комодом. Да и самих князей, владельцев дома, в шутку именовали Трубецкие-Комод (чтобы отличать от иных Трубецких). Много лет прожил в этом доме В.Д.Корнильев, служивший с 1825 года управляющим имений князей Трубецких. О его гостеприимстве («хлебосольство было для него радостью жизни»), дружбе с Пушкиным, Дельвигом, Погодиным написано немало. Именно в этом доме останавливался Иван Павлович Менделеев с дочерью — «благоразумной Катенькой», как ее называли в семье, когда приезжал в Москву на лечение. Здесь же он встречался со своим племянником из Млево Соколовым. Сюда же на Покровку прислали Менделеевы и своего незадачливого сына Ваню, недолго обучавшегося в университетском пансионе (сам пансион был на Тверской, где сейчас телеграф).

Кроме «комода», у Трубецких было загородное имение, Знаменское-Садки, которым также управлял В.Д.Корнильев. Сохранились строения этой усадьбы (сразу за МКАД в зоне отдыха Битца), и историки не исключают, что Менделеевы там бывали. Между тем дворянин Корнильев имел и собственную дачу в Сокольничей слободе. Здесь в Сокольниках (в приходе Тихвинской Божьей Матери) родились две его дочери. Уж сюда-то он точно привозил своих сибирских родственников в 1830—1840-е годы. Здесь Катенька Менделеева встретила В.Л.Пушкина, отца поэта, в год смерти его сына и оставила бесценные для пушкинистов воспоминания.

Похоронены Корнильевы в Ново-Алексеевском монастыре (могилы не сохранились). Ныне в Москве живут их потомки — известный космобиолог Любовь Серова (автор статей о судьбе рода Корнильевых) и ее родственница. В Москве на Новодевичьем кладбище покоятся дочь и внучка Д.И.Менде-

Продолжение, начало в № 2, 4, 6, 8

Дом-комод на Покровке

лева — Ольга и Наталья Трироговы. На надгробии Ольги выбито еще одно имя, М.А.Кенеман; оказывается, это внучка Маши Менделеевой-Поповой (сестры Д. И.). Потомки Кенеман живут в подмосковном Климовске и недавно прислали автору интересные документы о своих предках.

Долгое время считалось, что Дмитрий Менделеев с матерью и сестрой жили в доме-комоде на Покровке в квартирах Корнильевых. Между тем, как выяснил краевед В.Стариков, к моменту приезда Менделеевых в Москву в 1849 году В.Д.Корнильев оставил службу у Трубецких, стал откупщиком и приобрел собственный дом. Оформляя потомственное дворянство в 1844 году, он указал свой точный адрес: «Жительство имею в Москве, Сретенской части пятый квартал в доме женки моей под номером 687». По данным Старикова, это угол Уланского и Водопопяного переулков в районе Тургеневской площади.

Уланский переулок в Москве есть и поныне, а где же Водопопяный? Вот как написал об этом писатель Валентин Катаев: «Это, несомненно, был перекресток Кировской и Бульварного кольца, но какая странная пустота открылась передо мной на том месте, где я привык видеть Водопопяный переулок. Его не было. Он исчез, этот Водопопяный переулок. Он просто больше не существовал. Он исчез вместе со всеми домами, составлявшими его. Как будто их всех вырезали из тела города». Действительно, не так давно (в 1970-е годы) при строительстве метро «Тургеневская» и Новокировского проспекта большой кусок старой Москвы был полностью уничтожен. На месте корнильева дома, где в Москве полгода жил Дмитрий Менделеев, зияет огромное пустое пространство — автостоянка между штаб-квартирой нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» и главпочтамтом. Здесь же (Водопопяный переулок, 2) жили позднее Маяковский и Лиля Брик. Поэт будто предчувствовал судьбу этого старомосковского уголка, пристанища книголюбов, художников и поэтов, написав в черновике одного из стихов: «Водопопяный переулок отыскиваю пока. Москва рассыпалась. И отзмеилась Ока».

Инициация отложенной смертью

Весной 1850 года Мария Дмитриевна приехала с детьми в Санкт-Петербург и остановилась у тобольской знакомой А.П.Скерлетовой (Сергиевская ул., 35). Желание матери дать сыну высшее образование было непоколебимо. Как писал Менделеев, попробовали «сперва в Медико-Хирургическую Академию, но — присутствовав при вскрытии — дурно, отказался. В Главном педагогическом институте Чижов (математик), товарищ отца, помог, и в год неприятный — приняли. Маменька тотчас скончалась». Приказ о зачислении был подписан 9 августа, а 20 сентября 1850 года Марию Дмитриевну похоронили.

Она будто отдала последний долг, ее воля была исполнена, все остальное уже не имело смысла. Всю жизнь мать хранила родовую икону (список с Абалакской иконы Богоматери), предупреждавшую о несчастьях мистическим миганием лампад. Слабеющей рукой она написала на обороте: «Благословляю тебя, Митинька... помни мать, которая любила тебя паче всех».

В феврале 1851 года в Москве скончался дядя В.Д.Корнильев, а весной 1852 года от чахотки умерла сестра Лиза. Эта цепь смертей, начавшаяся с ухода отца (1847) и сестры Поли (1848) и унесшая за пять лет пятерых самых близких Дмитрию людей, породила зияющую пустоту. От сырого климата у самого юноши начался кашель, и его поместили в госпиталь. Он вспоминал, что «в первый раз у него пошла горлом кровь после того, как он студентом на галерке громогласно вызывал какую-то знаменитую итальянскую певицу». Лишь годы спустя выяснилось, что у Менделеева была неопасная болезнь — врожденный порок сердечного клапана, не помешавшая ему дожить до глубокой старости. Петербургские врачи, однако, отнесли кровохарканье к последней стадии чахотки. Общеизвестна история, когда Менделеев, лежа в лазарете рядом с больным туберкулезом студентом Бетлингом, подслушал, как доктор во время обхода довольно громко сказал: «Ну, эти двое уже не встанут». Этот эпизод Менделеев помнил до старости, записав в своих воспоминаниях «Доктор Кребель. Товарищ Бетлинг вместе со мной кровью харкал и, заболевши, скончался. Меня считали отпетым». Нетрудно представить, что чувствовал юноша, которого фактически приговорили к смерти, причем зловещий диагноз начинал неумолимо сбываться. Окружающие считали так же: как писал один из современников, «он представлялся нам настолько больным, что при встрече впоследствии... казался выходцем с того света».

В мировой антропологии существует уникальное понятие инициации смертью — «обряд перехода». В простейшем случае человек (например, юноша в ритуалах первобытных племен) должен полностью поверить, что он умирает, чтобы затем духовно переродиться и перейти на более высокую ступень (мужчины-воина). Согласно В.Я.Проппу, идея трансформации личности путем «смерти-возрождения» — один из глубочайших архетипов человеческой культуры, скрытый во множестве мифов и народных сказок. Эксперименты современной психиатрии неопровержимо доказывают огромную роль переживаний состояния «смерти-возрождения» как в лечении психических расстройств, так и в личностной перестройке. Инициированный смертью начинает использовать каждое мгновение, чтобы быть счастливым, делать то, что по душе.

Примечательно в этой связи, что пик «смертельной» болезни Менделеева совпадает с глубочайшей переоценкой его отношения к жизни и учебе. Мы помним, насколько слабым учеником он был в гимназии. Вступительные экзамены в педагогический институт Дмитрий сдал столь же посредственно (две двойки, пять троек, две четверки). Два года он слушает одни и те же курсы, но все равно стоит в хвосте — 25-м из 28 студентов. И вдруг все внезапно меняется, в лазарете разгильдяй-второгодник будто перерождается в любознательного и пытливого студента. Уже через год он становится

Н.С. Чижов

И.И. Давыдов

Н.А. Добролюбов

в списке седьмым, еще через год у него пятерки, нередко с плюсами, по всем предметам (кроме поведения), он бравирует игрой в карты в ночь перед экзаменами, становится любимцем профессуры и с золотой медалью заканчивает институт. «Обряд перехода» принес зримые плоды.

С какой стороны посмотреть

В своих воспоминаниях о пединституте Менделеев отмечал, что закрытый характер этого вуза был для него весьма благотворным: «Нам все было дано, все было легкодоступно, и мы брали предлагаемое». Несомненно, для живущего в нужде большого студента много значило, что «там все было под рукой, начиная от лекций и товарищей до библиотеки и лаборатории, время и силы не терялись на хождение в погоду, ни на заботы об обеде, платье и т. п.». Он считал, что все это являлось «кислородом... поддерживало пыл в очаге», нужном «для научного горения». Подчеркнем, что столь позитивное отношение к жизни Менделеев фактически выработал в себе сам после глубокой перемены, вызванной болезнью. Его сокурсники относились к институту намного критичнее, считали условия жизни беспросветными, а порядки — казарменными. Добролюбов, учившийся там же и в те же годы, ядовито писал: «Все унес этот проклятый институт со своей наукой бесплодной», его безмерно раздражал мелочный регламент, выдача книг по разрешению и т. д.

Столь же различным было отношение студентов к обязательству отслужить учителем по окончании института (из расчета два года службы за год учебы). Менделеев относился к этому очень серьезно, считал, что, «давши при вступлении личные обязательства, что будем педагогами», необходимо «по косточкам разбирать всю предстоящую нам жизненную обстановку». (Она сохранилась, эта расписка, с забавной подписью «от недоросля из дворян Димитрия Иванова Менделеева».) Добролюбов же, напротив, искал способы, как бы избежать принудительной отработки.

Наконец, отношение к администрации института и преподавателям у студентов было неоднозначным. Добролюбов ненавидел директора института Давыдова, причислял его к «разной сволочи», потратил массу сил на борьбу с этим ханжой и мракобесом, а инспектора института Тихомандрицкого считал пешкой и насмехался над ним в анонимных памфлетах. Менделеев, в свою очередь, писал: «директор Ив. Ив. Давыдов напрасно осуждается, человек добрый и внимательный. Еще лучше инспектор Александр Никитич Тихомандрицкий». Впрочем, для особых его отношений с рядом профессоров были, похоже, особые причины.

Питерские и тверские

Напомним, что студентом Менделеев стал почти «по благу», за него похлопотал Чижов, учившийся с отцом Менделеева не только в педагогическом институте, но и в Тверской семинарии. (В тот момент Чижов уже был в отставке, но к голосу быв-

шего декана прислушались.) Земляком Чижова, уроженцем Твери, был и директор Давыдов. В Твери родился и инспектор Тихомандрицкий, выпускник Тверской семинарии, а затем Главного педагогического института. Наконец, уроженцем Тверской губернии и выпускником все той же Тверской семинарии и пединститута был и А.А. Воскресенский, любимый учитель Менделеева. Интересно получается: эдакое тверское землячество, региональный клан администраторов, сложившийся в институте, приобщение к которому невольно открылось для юноши из Сибири через тверскую родословную отца.

Мы уже задавались вопросом, не были ли в родстве Менделеевы и Тихомандрицкие. Лишь совсем недавно нам удалось узнать от архивиста А.В. Матисона, что дед А.Н.Тихомандрицкого, Емельян, оказывается, был дьячком того самого погоста на Тихомандрице, где служил священником дед Менделеева. Так что, хотя родней они и не были (дядя Менделеева с той же фамилией Тихомандрицкий, как оказалось, умер юношей), взаимосвязь между их родами была глубинной.

Не стоит недооценивать роль этой детали в судьбе Менделеева, поскольку именно благожелательность перечисленных выше лиц оказала ключевое влияние на ранние ступени его карьеры. Во время клановость, особенно региональная, была обычным явлением во многих сферах (вспомним хотя бы немецкую и русскую партии в университете и академии, между которыми металась многие профессора Главного педагогического института, выходцы из Дерптского университета). Поэтому «своих», разумеется, старались вырастить и поддерживать. Было в столице и Тобольское землячество: Протопоповы, Жилины, Лещевы, Каш — обособленный круг, из которого сибиряк Менделеев выбрал и первую, и вторую невесту.

Особый контакт возник у Менделеева с Воскресенским. Хотя последний и не был в студенческие годы руководителем его курсовых работ, связь между ними с каждым годом все более крепла. Исследователь Т. Богатская установила, что личная жизнь Воскресенского сложилась неудачно; хотя он и был женат, супруги почему-то жили порознь и детей не имели. Воспитанный в глубоко православной традиции, Воскресенский остро переживал неестественность такого брака и, возможно, перенес все тепло нерастратченных отеческих чувств на талантливого сироту. Впрочем, неплохие личные отношения у Менделеева сложились со многими профессорами. Как он писал: «Ф.Ф.Брандт, Степ. Сем. Курторга и Ал. Абр. Воскресенский много о мне заботились. У Брандта учил летом детей. С Шиховским ботанизировал». Все они почувствовали врожденный и расцветающий на глазах талант. Попробуем понять, в чем же именно он начал проявляться.

Песня про зайцев

Раскроем наугад курсовую работу студента Менделеева «Опыт исследования о грызунах Петербургской губернии» (в собрании сочинений она занимает 70 печатных страниц). В музее-архиве хранится ее рукопись — аккуратный «девичий» почерк, огромные междустрочные интервалы (видимо, для добавлений и правки), по строкам характерными бурунами летят верхние завитки прописной буквы «д». Текст кажется сухим: таксономия белок, мышей, зайцев; подпорядок, семейство, род, вид... Скучновато. Идет все более детальное описание окраски тела, формы зубов и частей тела, повадок. И вдруг россыпью возникают неожиданные вставки: грызуны бывают «угрюмые и веселые», белки — «игривые, на них любо посмотреть», но иногда, «пригорюнясь, сидят в уголку». Доходим до мышей: «Вид 2. Домовая мышь — *Mus musculus* L. Все знают ее и за вред, за пронырливость, все не любят и гнушаются маленьким грызуном, до которого дошла речь в нашей фауне, хотя в своей форме он не имеет ничего неприятного и некрасивого»...

Ф. Брандт

С. Куторга

А. Воскресенский

Первый напрашивающийся вывод: написано от души, с любовью, автор наблюдателен, а предмет ему настолько интересен, что этим заражается и читатель. За типовым рефератом (который можно было бы просто списать) вдруг проглядывает творческая личность автора. Снова листаем текст, вчитываемся: «Произведя до 20 измерений величины нашей мыши, я нашел, что по различию полов длина тела ее изменяется, но хвост постоянно у самок короче длины тела, а у самцов длиннее». Далее следует таблица (ее, видимо, можно считать самой первой «таблицей Менделеева») с результатами измерений. Хотя сюжет явно анекдотичен (Менделеев гоняется за мышами с линейкой, чтобы их измерить), итог вполне серьезен, экспериментальный результат значим, а по тем временам достаточно нов.

Доходим до зайцев: «Особенно поражают длинные ноги, огромные уши и короткий хвост». Кого поражают? Написана, казалось бы, откровенная банальность. А с другой стороны, что, собственно, отличает зайца от других грызунов в длинном их перечне? (В то время зайцы входили в отряд грызунов, теперь же их выделили в отряд зайцеобразных. — *Примеч. ред.*) Да именно эти признаки и отличают. Пожалуй, в данном примере ярко видна еще одна особенность становления будущего систематика: выделить самое главное, пусть даже кажущееся совершенно обыденным. «Основы химии» ведь тоже начинаются с банальных истин, с того, что вода жидкая и мокрая, но бывает и твердой... Заметим, что руководитель курсовой работы о грызунах, профессор Брандт, был настолько впечатлен исследованием Менделеева, что после ее прочтения загорелся желанием составить сводное описание всей фауны России силами студентов-старшекурсников Главного педагогического института и подал об этом прошение.

Как губка впитывал Менделеев основы наук, причем почти каждое из посеянных в те годы семян плодоносило позднее в его творчестве. У математика Остроградского он научился не бояться сложных формул (позже он легко освоит метод полиномов Чебышева для своих физико-химических работ). Профессор Ленц фактически сделал из него физика (вспомним менделеевское определение «химик, который не есть физик, есть ничто»). Зоолог Брандт, ботаник Шиховской и, наконец, минералог Куторга пробудили его страсть к таксономии и поискам естественной классификации всех «трех царств» природы.

Самым мудрым оказался Куторга: он не побоялся доверить неопытному студенту-выпускнику анализ найденных им в Финляндии минералов, сначала ортита, содержащего редкоземельные церий и иттрий, а затем пироксена (в котором студент не нашел ожидаемого глинозема) и даже помог опубликовать две первых статьи об этом. Проблема состояла в том, чтобы самостоятельно определить точный состав и точную форму кристаллов и отнести эти минералы к каким-либо уже известным семействам. Именно тогда Менделееву пришлось впервые столкнуться с непростой проблемой взаимосвязи состава и формы. Это и послужило основой его интереса к изоморфизму и предопределило тему для магистерской

диссертации. Из этих первых весьма простых практических опытов по разложению минералов кислотами и щелочами произрос его интерес к химии минеральных веществ. А вот к органической химии он остался равнодушен — не потому ли, что в студенческие годы перед ним не поставили интересной задачи?

Крымский зигзаг

В период с 17 мая по 1 июня 1855 года в Главном педагогическом институте состоялись выпускные экзамены, которые Менделеев сдал блестяще и закончил обучение с золотой медалью и званием старшего учителя. Экзамены были публичными, присутствовало много гостей, оставивших восторженные воспоминания. В числе почетных гостей был и академик Фрицше, написавший Давыдову письмо: «Покорнейше прошу Ваше пр-во содействовать с Вашей стороны тому, чтобы г-ну Менделееву при определении на службу была предоставлена возможность далее усовершенствоваться в химии». В итоге Менделеев получил возможность остаться в институте для подготовки к сдаче экзамена на звание магистра.

Между тем болезнь его не отступала, а потому администрация института в первую очередь приняла во внимание рекомендацию врачей — направить его учителем в регион с мягким климатом. Подходящая вакансия имелась в Ришельевском лицее в Одессе. Сам Менделеев обрадовался не только шансу поправить здоровье, но и возможности пользоваться роскошной библиотекой бывшего иезуитского колледжа для продолжения своих изысканий. История, однако, распорядилась иначе, и по ошибке чиновников Менделееву было предписано отправляться учителем в Симферополь. Молодой выпускник, как известно, устроил грандиозный скандал, тем не менее министерство своего решения не поменяло.

Ошибка земной канцелярии, похоже, оказалась точным расчетом канцелярии небесной. Волею судьбы Менделеев 25 августа 1855 года, в самый разгар Крымской войны, оказался в прифронтовом городе. Героический Севастополь был уже сдан, а в Симферополе, заполненном госпиталями, оперировал раненых великий хирург Пирогов. Предусмотрительный петербургский медик Здекауэр, узнав о месте назначения, снабдил выпускника письмом к Пирогову. История о встрече Менделеева с хирургом, завершившаяся фразой «вы еще нас со Здекауэром переживете», неоднократно описана во множестве биографий великого химика. Менделеев в восторге писал: «Насквозь человека видел и сразу мою натуру понял!» Диагноз оказался ложным, дамоклов меч вдруг исчез, инициация завершилась. Как-то сама собой вдруг сразу разрешилась и проблема с вакансией в Одессе — выяснилось, что Менделеева там ждут. Уже 30 августа старший учитель отбыл в Одесский лицей, где, согласно добровольно данной им расписке, он должен учительствовать следующие восемь лет.

Окончание следует

Менделѣевія

Часть шестая

Доктор
химических наук

Е. В. Бабаев,
МГУ им. М. В. Ломоносова

Гены и гении

В предыдущих статьях мы подробно разобрались с родословной Менделеева и контурно обрисовали некоторые факторы, повлиявшие на становление личности будущего гения. Феномен гениальности продолжает будоражить умы человечества, споры о его причинах не утихают, и существует масса наблюдений, обобщений и теорий, которые устанавливают причины гениальности той или иной личности. В этом плане родословная и биография Менделеева дает обширный материал, поскольку его жизненный путь и история семьи весьма подробно задокументированы не только им самим, но и его родственниками, современниками и многочисленными биографами.

Гениальность нередко связывают с генетикой, и авторы некоторых особенно смелых гипотез в числе возможных причин называют мутации. Есть версия, что у более поздних детей вероятность таких мутаций выше. Дмитрий же, как известно, был «последышем» в семье, имевшей 14 (а может, и 17) детей, причем в год его рождения отцу было 51, а матери — 41. По другой версии, яркая одаренность (в любой сфере) должна проявляться и в предыдущих поколениях. Мы не знаем, насколько и в чем были талантливы удомельские священнослужители, но все они — прадед Максим, дед Павел, два дядьки — как минимум успешно закончили семинарию, раз уж каждый из них получил по собственному приходу. Что касается линии купцов Корнильевых — фамилии, гремевшей на всю Сибирь, — то их купеческий талант неоспорим. Вспомним имена еще двух Корнильевых, которых иногда путают — Дмитрия Васильевича (дед Менделеева, издатель «Иртыша») и Василия Дмитриевича (московский дядя Менделеева, хлебосольный «друг всех литераторов»), — они были хорошо известны культурной России начала XIX века. Наконец, как мы уже писали, наиболее талантливый из всей плеяды тобольских купцов, Василий Яковлевич Корнильев (дед химика) сам был шестым, последним ребенком в семье и родился, когда его отцу было 57, а матери 40.

Разумеется, считать предпосылками гениальности одни лишь генетические факторы было бы неверно. Ключевую роль играют воспитание и среда, а на раннем этапе — личности и жизненные установки родителей.

Иван да Марья: семейный экстракт

Еще раз обратимся к тому, как сложились каждая из линий судьбы у родителей Дмитрия Менделеева и как, собственно, это повлияло на него самого. «Попович» Иван Павлович как-то загадочным образом выпал из «непорочного круга»: дети священнослужителей наследовали приходы в той же местности, он же нарушил эту закономерность. Лишь недавно мы выяснили, что произошло это не по его воле, а по разнарядке сверху (выпускников-семинаристов попросту обяза-

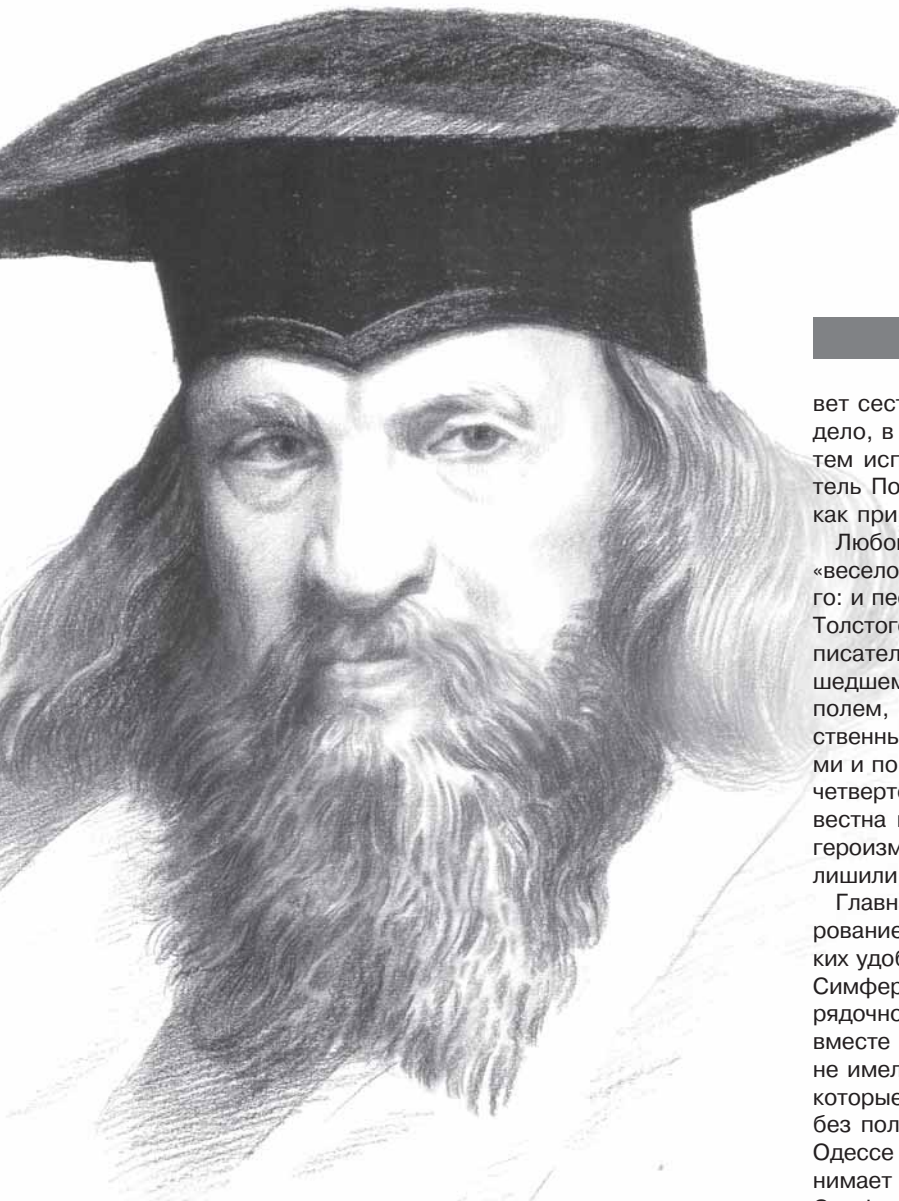
ли стать будущими учителями во вновь учрежденном Главном педагогическом институте). Следовательно, он с самого начала просто плывет по течению. В итоге выпускнику предлагают ехать в глубинку на восток, тогда как его более активные однокурсники по пединституту (тот же Чижов, а позднее Воскресенский и Тихомандрицкий) уезжают стажироваться на запад. Его идеал — скромное служение, он скорее созерцатель, чем деятель. Он старателен и лоялен к начальству, которое именно за это его и ценит, предлагая повышение: Тамбов, потом Саратов. (Шанс изменить судьбу, перейти в Казанский университет, отвергнут из-за невысокого жалования.) Между тем именно эта гипертрофированная лояльность и сыграла с ним злую шутку (когда он неосторожно «подставляет» Лажечникова, любимца господина попечителя). Следует увольнение, крушение идеалов, и хотя двухлетней саратовской мукой все же выстрадано директорство в Тобольске, протекает оно довольно бесцветно, как и дальнейший остаток жизни.

Совершенно противоположный тип являет собой Мария Дмитриевна. Она вроде бы незаметна, верная спутница мужа. Но именно ее нестигаемая воля держит семью в Саратове в ожидании официального перевода в Тобольск (где была фабрика), а не в Вятку, где, судя по всему, и должен был бы родиться ее последыш... Именно она, внучка купца и дочь «первопечатника», спасала тонущий семейный корабль и по примеру своей матери и бабки твердой рукой держала в узде непокорных фабричных, обеспечивая, насколько могла, сносное существование семьи, до тех пор пока фабрика не сгорела.

Эти два начала семьи, пассивное и активное, причудливо перевернутые инь и ян Менделеевых, ни в коей мере не были антагонистичны: до глубокой старости родители Дмитрия, столь разные по характеру, уважали и любили друг друга. Именно эту гармонию двух начал, как нам кажется, и усвоил их сын, именно она оказала основное влияние на его характер и судьбу. Часто пишут, что своим крайне деятельным характером (бесчисленными поездками, частой сменой тематик и интересов, а главное — попытками их практического воплощения) Менделеев явно обязан матери. Это, конечно, так, но вспомним, что самым близким людям он всегда говорил обратное: хочу лишь одного — покоя.

Роль и влияние отца явно недооценены биографами великого химика. Несмотря на служебную неудачу, Иван Павлович смог добиться титула потомственного дворянина, что облегчило в будущем судьбу его детей. Его неяркая опала (после возвращения в Тобольск) стала магнитом, притянувшим к семье директора просвещенных декабристов, оказавших влияние и на развитие Дмитрия. Вынужденная неприязнь отца к Казанскому университету — главная причина, по которой его сын оказался в столице. Наконец, об особой благожелательной атмосфере «тверских» профессоров института к студенту, потомку их земляка, мы уже писали. Возможно, что, решившись взять Дмитрия за тридевять земель учиться в одну из столиц, мать и хотела сыну чуть лучшей доли, чем та, что досталась его отцу. Поразительно, однако, что из всех вариантов (а перебор действительно был) сработал лишь единственный — все тот же педагогический институт. Даже в

Окончание, начало в № 2, 4, 6, 8, 10.

вет сестра Ольга опасается «чтобы тебя не увлекло ратное дело, в котором ты пользы никакой не принесешь, а между тем испортишь всю свою будущность», а его бывший учитель Попов, муж сестры Маши, дает практические советы, как примириться «с военщиной».

Любопытно, что в одном из писем Менделеев упоминает «веселого батарейного командира Льва Николаевича Толстого: и песни писал веселые, и начальства не боялся». Какие у Толстого могут быть песни? Оказывается, будущий великий писатель участвовал в кровопролитном сражении, произошедшем 4 августа 1855 года на Черной речке, под Севастополем, проигранном по вине генералов. Едва ли не единственный раз в жизни будущий прозаик побаловался стихами и по горячим следам написал сатирическую песенку «Как четвертого числа...», на манер солдатских. Песня стала известна всей России, облетев ее во множестве списков. За героизм Толстого произвели в поручики, а за едкие куплеты лишили шанса стать адъютантом великого князя.

Главная же тональность менделеевских писем — разочарование. «Веселья я не искал, хотелось спокойствия, маленьких удобств. Ни того, ни другого не имеют почти все жители Симферополя». Нет их и у молодого учителя. «Я не имел порядочного обеда <...>, своего угла <...>, должен был жить вместе с инспектором, комната которого не топилась <...> не имел ни знакомства, ни книг, ни даже всех своих вещей, которые отправил в Одессу, а потому время текло и скучно, и без пользы». Именно поэтому весть о том, что его место в Одессе вакантно и он может его занять, Менделеев воспринимает как подарок судьбы. «До того плохо было жить мне в Симферополе, что я старался всеми силами выбраться из Крыма — и, благодаря Бога, выбрался». В итоге симферопольский период его жизни занял не более двух месяцев.

неприемный год сыну удалось поступить именно туда, где когда-то учился отец, причем с помощью его же друга. Всмотримся в его путь чуть пристальнее.

Симферопольские рассказы

Закончив летом 1855 года институт, Менделеев должен был прослужить последующие восемь лет в должности учителя. Сам выпускник не имел ничего против такой карьеры: именно к этому его готовили любимые профессора, да и сам он с этой мыслью сжился и считал такую службу своим долгом. Казалось бы, он поплыл по течению, как когда-то отец. Разница, однако, в мелкой детали: Дмитрий изначально почувствовал себя несправедливо обманутым чиновниками, направившими его вместо Одессы в Симферополь. Его бурный протест министерством не был принят, и он отправляется к месту службы в прифронтовой город в разгар Крымской войны. Дата выдачи Менделееву подорожной (27 августа 1855 года) — день взятия Малахова кургана и сдачи героического Севастополя.

Несмотря на близость театра военных действий, Менделеев ведет занятия в Симферопольской гимназии, как он пишет, «классы идут». (В наши дни на здании мемориальная доска в его честь.) Этажом выше — лазарет; там происходит его знаменитая встреча с хирургом Пироговым. Все мысли о войне; по его письмам той поры можно составить точную карту передислокации войск. Темы героизма, бездарности военачальников занимают его настолько, что в от-

Учитель с Дерibasовской

Уже в ноябре Менделеев в Одессе и ведет уроки математики в гимназии при Ришельевском лицее. Нагрузка большая: «...дела пропасть — 16 уроков в неделю — все в 5, 6, 7 классах». Тем не менее здесь ему вполне комфортно: «...я нашел здесь все <...> живу себе тихо: нанимаю комнату — высокую, светлую и чистую с отоплением, прислужгой и мебелью <...>, стол имею, как все здесь, в гостинице, <...> дешево. Словом, я доволен всем пока».

Дмитрий выступает с инициативой создать в гимназии кабинет естественных наук. В феврале 1856 года он пишет план изучения естественных наук в гимназии, особенно настаивая, что «местные произведения природы» наиболее «завлекают к занятиям», ибо с особым «удовольствием встречает ученик в уроке известную ему птичку, гриб или траву, замеченную им». При выборе же коллекций «должно предпочесть бесполезным — полезные человеку (или вредящие ему)». Видимо, последнее соображение повлияло на включение им в список предметов для кабинета (кроме образцов минералов, трав, черепов животных) таких экспонатов, как «глисты в спирте» и «собрание местных пауков». В память об энтузиазме юного учителя на здании сейчас мемориальная доска.

Параллельно с повседневной рутинной школьных будней развивались три линии событий, три важнейших процесса, оказавших влияние на всю дальнейшую карьеру Менделеева. Во-первых, на середину мая (период летних каникул) — в Петербурге было запланировано его «магистрирование» — сдача экзамена и публичный диспут, на основании которых он мог бы получить степень магистра. Для этого требовалось представить рукопись цельного научного исследования. В качестве темы Менделеев избрал литературно-компилятивное исследование на тему «Удельные объемы», написанием которого он и занимался в свободное от уроков время. Степень магистра была важной ступенькой продвижения по службе, но никак не отменяла восьмилетней отработки.

Второй процесс инициировал профессор Куторга, методично издавая минералогические труды уехавшего студента в «Горном журнале». Первую статью, об ортите, он перевел на немецкий и издал еще в 1854 году, а через год опубликовал и вторую, о пироксене. Кроме того, в декабре 1855 году в том же журнале была издана выпускная работа Менделеева об изоморфизме (в январе 1856 года она вышла еще и отдельной брошюрой). Поскольку читать целиком обширную литературную работу было затруднительно (в чем нетрудно убедиться и сейчас), Куторга затребовал у выпускника краткую выжимку. Этим Менделееву также пришлось заниматься в феврале; «реферат», однако, опубликовали лишь 100 лет спустя...

Третий процесс касался глубоких перемен, наступавших во всем российском обществе после смерти царя Николая I в феврале 1855 года. Позорное поражение в войне, необходимость реформ были очевидны всем, и в первую очередь новому императору Александру II. Хотя коронация была назначена на август 1856 года, уже в декабре начались перемены (упразднение цензурного комитета, амнистия декабристам, свободная выдача заграничных паспортов и т.д.). Весной 1856 года, через пару недель после подписания уничижительного мира, была провозглашена желательность ознакомления русских ученых с европейской наукой. Это означало возможность стажироваться за границей. Железный занавес рухнул, породив в среде ученых и студентов обостренный интерес к европейскому естествознанию.

Разумеется, все эти новости моментально доходят до Менделеева, ведущего обширную переписку с профессурой и однокашниками. Черноморский климат явно идет ему на пользу: как он замечает в апреле, «здоровье мое обстоит великолепно». Внезапно он понимает, что вольный город Одесса-мама хотя и комфортный, но по духу ему совершенно чужой: «При дешевых апельсинах, при скоро обещающейся дешевизне всего, <...> при всем хорошем, пропасть есть худого, беспокойного... Холод здесь такой — конечно, сердечный, — какого не видывал в Питере, внимания, участия ни на грош, зато услышишь на каждом углу о пшеничке».

Ход конем и двойная защита

В одном из писем Менделееву его университетский друг Папков сообщил о первой ласточке перемен. Администрация педагогического института искала выпускника для направления директором в Пекинскую обсерваторию сроком на шесть лет. Менделеев колеблется, советуется с Куторгой, пишет письмо Давыдову, в котором его отношение к дальнейшему учительству в Одессе обозначено предельно ясно: «Не могу ли я быть причислен к тем, которые будут иметь счастье быть отправленными за границу. Уже одна возможность надежды волнует во мне всю кровь, особенно, когда подумаю о том застое, что меня ожидает здесь, если останусь на следующий год... Тяжело подумать о том, что, может быть, придется воротиться в Одессу после экзамена.... Чувствую в себе много неокрепшей еще душевной силы, жаль ее зарыть, а потому прошу Вас — дайте мне возможность работать, идти вперед».

Менделеев на приеме у Пирогова (художник И.Тихий)

В ответ оба сообщают, что его кандидатура уже одобрена институтской комиссией и включена в списки рекомендованных министерству претендентов на поездку. Предусмотрительный Куторга в нужный момент успел снабдить членов комиссии свежешедшими оттисками статей любимого ученика. В итоге в середине мая окрыленный Менделеев примчал в Петербург и успел за две недели сдать экзамены на должность магистра. Диспут должен был состояться после каникул, в начале сентября. Видимо, в эти летние месяцы Менделеев получил известие от Воскресенского о вакансии приват-доцента на кафедре химии в Петербургском университете. Чтобы занять ставку, однако, требовалось представить вторую диссертацию на право чтения лекций (*pro venia legendi*). Сообразительный диссертант догадался разбить начатый в Одессе труд на две части и все лето их дописывал. (Так и подал в рукописном виде, напечатать в типографии лишь «Положения» для первой части; времени и средств печатать все не было.)

Первую часть, «Удельные объемы», он защитил 9 сентября и получил степень магистра, а через три дня подал прошение о защите второй диссертации. Командировку ему продлили, и 21 октября он защитил вторую часть работы, «Строение кремнеземистых соединений», на право преподавать. На обеих защитах кроме Воскресенского ему оппонировал профессор Скобликов — еще один добрый гений, встретившийся на пути Менделеева. Именно Скобликов и освободил ему вакансию в университете, а через несколько лет передаст ему другую вакансию — редактора энциклопедии «Технология по Вагнеру». Вскоре по ходатайству Петербургского университета Менделеев был официально переведен из старших учителей в приват-доценты (в должность он вступил с января 1857 года). Новый начальник Одесского учебного округа — хирург Пирогов — не возражал: прыть бывшего пациента лишь подтверждала его оптимистичный диагноз годичной давности.

Приватная жизнь приват-доцента

Летом 1856 года в жизни Менделеева произошло еще одно важное событие: он впервые влюбился. Разумеется, в Петербурге он навестил своих земляков, и Феофиза Лещева (к кото-

Портрет С.М.Фогель (урожденной Каш), невесты Менделеева. Любезно предоставлен И.С.Дмитриевым

рой Дмитрий в ту пору относился как к старшей сестре) познакомила его у себя дома с неким ангельским созданием, 15-летней Сонечкой Каш. Она была дочерью тобольского аптекаря, обрусевшего немца, старинного знакомого семьи Менделеевых, ныне перебравшегося в столицу. Софья смутила Дмитрия воспоминанием о том, как лет семь назад в Тобольске тот отказался с ней танцевать на елке. Выяснилось, что Соня настолько чиста и невинна, что до сих пор пеленает кукол, а ее мир — это комнатка, полная цветов и птичек. В театрах она не бывала, читала сказки вместо романов (при слове «романы» она краснела и убегала).

Менделеев был так очарован ее наивностью, что зачастил в дом семейства Каш с цветами и конфетами. В мае 1857 года (видимо, после совершеннолетия Сони) он попросил у родителей ее руки. Те не возражали, а Сонечку, спрятавшуюся за диваном, беспокоил серьезный вопрос: «Как же я ему отдам руку и зачем ему ее?» Матери Софьи Дмитрий говорил, что из такого ребенка сделает такую подругу, какую сам захочет. Свадьба была назначена на август, и Менделеев уже принимал поздравления (сохранившиеся в архивах) от сибирских родных, которые неплохо помнили будущего тестя. Сонечка же, с приближением дня свадьбы, все горше плакала по ночам, боясь расставания с мамашей и своей комнаткой. «Если, барышня, вы не хотите, то скажите в церкви "нет"», — посоветовала ей горничная. Софья решила так и поступить и сообщила об этом отцу незадолго до венчания. Пораженный Менделеев три дня не вставал с постели и пил только воду. При последней встрече он рыдал, а она впервые поцеловала его в лоб и убежала прочь, едва сдерживаясь, чтобы не согласие. Свои воспоминания Софья Марковна Фогель (урожд. Каш) опубликовала в 1908 году уже после смерти великого химика. Сам же он оставил скупую запись в воспоминаниях «Знакомство с Соф. Марк. Каш и отказ».

Журналист поневоле

Итак, учителем Менделеев проработал всего год, а затем «линия отца» на какое-то время будто бы прервалась. В итоге прекратилась и та материальная стабильность, которой так дорожил отец. Расставшись с Одессой и лишившись посто-

ПОРТРЕТЫ

янного оклада, Менделеев оказался перед проблемой: как зарабатывать себе на жизнь. Постоянного жалования приват-доценту не полагалось (раз в год проводилась выплата из особого фонда, если он не пустовал). Приходилось выкручиваться: «...жил уроками, работал у Никитенко для Журнала министерства народного просвещения. Давал уроки П.П.Демидову. Обедал у Воскресенского». Менял адреса, выбирал подешевле; из квартиры у арки генштаба (дом Вейдле) переехал на Съезжинскую улицу (дом Журинина).

Мечты о заграничной стажировке развеялись как дым: на всех уровнях шла реорганизация, особенно лихорадило педагогический институт, и заниматься этим вопросом было некому. Какие-то занятия со студентами он потихоньку вел, но полноценный курс (органической химии) начал читать лишь с осени 1857 года. Поэтому основным его занятием с момента приезда в столицу стала научная журналистика. В Журнале министерства просвещения он стал вести рубрику «Новости естественных наук». За год он написал около 70 заметок на самые разные темы, в основном об отдельных химических веществах, но также о растениях и животных, пиявках, нервах лягушек, фосфоричности грибов, растительности Амура и т.д. и т.п. В собрании его сочинений они в совокупности занимают 150 страниц. Как он вспоминал, «эти компилятивные статьи писались легко, потому что читал я тогда очень много, а Никитенко — охотно их помещал, что давало мне заработок... по 25 руб. с печатного листа». Стоит отметить, что Менделеев почти в точности повторил то, чем его родной дед занимался в 1790-е годы, когда писал для собственного журнала короткие занимательные заметки. Можно, пожалуй, сказать, что именно в тот момент, когда перестал проявляться «ген отца», включился до поры скрытый корнильевский «ген матери».

Наивно полагать, что в этот сложный период Менделеев был способен серьезно сосредоточиться на решении сложных проблем, а уж тем более «предвосхищать» свой периодический закон. До конца 1857 года он лишь оттачивал журналистское перо и научный стиль; затем в 1858 году стал все больше погружаться в преподавание в университете. К тому же этот период был омрачен депрессией из-за несостоявшегося брака. За это время он смог издать разве что вторую часть магистерской рукописи, написал пространный комментарий к одному из учебников по органической химии и небольшую заметку о сернисто-энантоловой кислоте. Тем не менее в его рукописях марта 1859 года можно найти первые размышления о капиллярности. Именно в этом состоянии Менделеева и застало известие об утверждении его кандидатуры для заграничной командировки в 1859 году. В апреле, едва дождавшись завершения семестра, Менделеев выехал за границу.

Тогда он еще не мог предполагать, что вскоре станет отцом немецкого ребенка, что его лучший друг на себе самым экспериментально определит летальную дозу цианистого калия, что он встретит композитора, способного играть носом на пианино... Но все это — начало совсем другой истории, отнюдь не короткой.

